

Энигма. Книга 2

Автор:

[Лана Мейер](#)

Энигма. Книга 2

Лана Мейер

Игра манипуляторов

МАККОЛЭЙ: Холодный разум и гранитный камень вместо сердца.

Таким я был с самого детства. Сын ученого, на которого возложены большие надежды и великие Цели. Хладнокровный, циничный, жесткий.

Я не был способен на чувства и меня всегда все устраивало.

Пока не появилась она.

Она – главная загадка в этой безумной игре.

Она исключение, пробудившее во мне человеческие эмоции и чувства.

Она моя Энигма.

Лана Мейер

Энигма. Книга 2

{Там, где у нормальных людей находится сердце, у него – бездонная, черная дыра; и если ты не будешь внимательна, ты упадешь в нее и навсегда

исчезнешь.}

{Загадочная кожа (Mysterious Skin)}

Глава 1

Кэндис

{«Это всегда должен быть я, Энигма. Запомни это. Мы с тобой связаны.»}

Раньше я никогда не чувствовала эту особую, эмпатическую связь с другим человеком, которую невозможно ни с чем перепутать. Несмотря на то, что подобная «нить» всегда соединяет души матери и ребенка, я никогда по-настоящему не проникалась маминой болью, и была лишь сторонним наблюдателем разрушающих ее эмоций.

Да, я переживала за Элисон, когда видела ее страдания, но куда сильнее меня ранило собственное чувство вины, сдавливающее в тугой кокон, покрепче капсулы Мака.

Любое мое стремление спасти близкого человека или оказать ему помощь, всегда начиналось со слова «я».

{Моя вина.

Мое сожаление.

Мой долг...

Мир вращается только вокруг меня. Он такой, каким я хочу его видеть.}

И поэтому, я испугалась. Мне стало страшно, от того, что рядом с Маком, я забывала об этом «я». Еще хуже стало в тот момент, когда поняла, что без его

присутствия – меня словно вовсе нет. Нет ничего страшнее, чем сомневаться в своей реальности, смотреть на небо, солнце и звезды, и задавать себе одни и те же вопросы: «Это все по-настоящему? Кто я? И зачем существую, если кажется, что у меня нет никакой свободы воли, а вся моя жизнь – сплошной коктейль из боли и вечной погони за недостижимой мечтой?»

У каждого она есть. Недостижимая мечта. Идеал, к которому мы стремимся. Совершенный образ, без которого наше существование бессмысленно. В детстве, моим любимым занятием была визуализация (хотя об этом термине я узнала куда позже). Я просто закрывала глаза и представляла себя взрослой, роскошной девушкой, звездой сцены, окруженной друзьями и близкими... свободной, красивой, а главное – любимой. Картинка всегда заканчивалась одинаково: я встречаю рассвет на балконе своего уютного и просторного дома у океана. Я живу в гармонии с собой, я знаю, что с моими близкими все хорошо, а у меня есть «завтра» и свобода воли.

А еще у меня есть Он. Мужчина Моей Мечты.

Тот, с кем сердце больше не ищет других. Особенный. Словно созданный для меня. Мой неидеальный идеал, в котором я буду любить все недостатки. Он обнимает меня со спины, а я смотрю то на пену, рожденную бурными волнами, то на внутренний двор нашего дома, где наши дети играют с большой собакой. Мне был неважен пол моих детей, но «мое кино» всегда показывало мне мальчика и девочку.

Банальный у меня «Идеал». Но недостижимый уж точно. И горько каждый раз от этой мысли, потому что хочется быть уверенной в том, что игра (то есть, сама жизнь) стоит свеч. Что жизнь может стать такой, какой на моем незримом посторонним слайде.

{«Мой опекун говорил: „Мы здесь для того, чтобы быть счастливыми, Кэндис. Позволь себе все, о чем ты мечтала, и Вселенная даст тебе это. Позволь, откинув все страхи и сомнения.

– Кто такая Вселенная? Что значит „позволить себе“? – я всегда слушала его с открытым ртом, и задавала много глупых вопросов. И, конечно, я не понимала многих его ответов, и его слов, сказанных слегка задумчивым тоном.

– Я имею в виду, иметь намерение, Кэндис. Вселенная... это место, где есть все. И где нет ничего. Но я больше склоняюсь ко второму варианту.“»}

Легко сказать, Руфус, «позволить себе».

Макколэй не мой родственник, не близкий мне человек, он лишь тот, кто все это время проводил эксперименты над моим сознанием и телом, и, кажется, добился того, чего хотел – я начала медленно сходиться с ума.

Но куда хуже то, что сейчас меня ломает изнутри, стоит лишь вспомнить холодный взгляд зеленых глаз, что даже в воспоминаниях затягивают в свой колдовской омут, заманивая в черную дыру, его бездну.

Он что-то сломал во мне, испортил.

Искусным движением рук злой гений буквально «вскрыл» меня и «настроил» струны моей души под себя, словно я – робот, которого можно запрограммировать так, как ему вздумается, соединив необходимые проводки, нервные окончания. Только он не ожидал того, что я могу и током ударить... в ответ.

То, что Макколэй сделал со мной, действительно похоже на искусственную установку почти сверхъестественной связи. Когда волей-неволей воспринимаешь человека, не как отдельное существо, а как часть своего организма. Каким бы он ни был, какую бы опасность в себе не таил...

Я почувствовала это всей кожей, каждым атомом изнывающего от переизбытка эмоций сердца, когда мы были в Хранилище.

Я пытаюсь его изгнать, оборвать эти узы, и выбраться из ментального шибари, которое невозможно увидеть – лишь почувствовать... но разве можно отвергать часть себя?

Все началось немного раньше, еще до Хранилища. Пришло время разобраться в клубке противоречивых чувств и вырваться из капкана необдуманных поступков.

Впервые я ощутила эту связь в ту ночь на Бали. Я проснулась в холодном поту, со скованным ледяными иглами сердцем... в ушах стучала кровь, но ее ток не заглушал других пугающих меня звуков. Сначала я подумала, что их издает дикий зверь, случайно забредший на территорию виллы, и лишь спустя несколько секунд поняла, что низкое рычание, сдерживаемые крики боли принадлежат Макколэю.

И это было странно... ведь позже, я убедилась в том, что Макколэй находился в операционной, и между нами было довольно большое расстояние и звук падающей воды, но я слышала все так, словно он находился рядом. Будто голос Мака звучал у меня в голове. Это было первым «звоночком» безумия...

Я все списала на проделки «датчика», напрочь исключив другие варианты, несмотря на то, что мою голову простреливала невыносимая боль, от которой самой хотелось выть во весь голос. Собравшись с духом, я накинула халат на голое тело и побежала в лабораторию – естественно я была уверена в том, что Карлайл находится там, и еще больше была уверена в том, что Мак будет не рад меня видеть.

Прорвавшись, через «водяную стену» водопада, я замерла на пороге: приложив ладони к губам, я сдержала крик, глядя на капсулу, стеклянная гладь которой переливалась всеми цветами радуги. Сам аппарат издавал непонятные космические звуки, но я все же решилась подойти к капсуле и заглянуть в систему Управления. Надпись на экране гласила: «До завершения Стабилизации и диагностики живого организма Angius осталось девять минут.»

Сквозь плотное стекло и призму переливающихся бликов света, я рассматривала Макколэя. Он больше не кричал... казалось, мужчина мирно спал, но я видела, как быстро вздымалась его грудь и сама не заметила, как моя начала опускаться в такт с дыханием Мака. Сердце больно билось о ребра, но я знала, что должна сделать это...

Зайти в его лабораторию. Самым постыдным было то, что я хотела этого сама, а не только потому, что именно это велел сделать Палач в своем последнем письме. Мысленно я оправдывала свой поступок тем, что имею полное право проникнуть в душу Мака, потому что он первый начал залезать в мою.

Я хотела своими глазами увидеть каждый «скелет» в его шкафу. И прекрасно знала, что лаборатория Мака – это не только святая святых Карлайла, непробиваемый, как и его душа, холодный бункер... но и целый клад ответов на мои вопросы.

И у меня оставалось лишь восемь минут, чтобы урвать хоть малейшую крупицу бесценной информации, получить хотя бы один маленький ответ...

И, конечно же, я пожалела о том, что вообще туда проникла. Пора бы уже начать учиться на своих ошибках, ведь в прошлый раз подобная глупость не привела ни к чему хорошему.

И увидела я достаточно для того, чтобы всерьез испугаться и в очередной раз почувствовать, как весь мой внутренний мир переворачивается подобно песочным часам.

Первое, что увидела, оказавшись за открытой дверью лаборатории – это огромную голограмму глобуса, на которую были направлены вибрирующие лучи разных цветов. На самой карте мира, мерцали красные точки, каждая из которых была подписана.

{Землетрясение в Сан-Франциско. Семь баллов.

Ураган, охватывающий Флориду, Кубу и часть Мексики...

Различные взрывы, извержения вулканов, цунами, природные катаклизмы, и не только... это бы не выглядело так жутко, если бы каждая из этих надписей не была бы датирована числом из будущего.}

Мне стало не по себе. Мурашки мгновенно атаковали каждый дюйм кожи, потому что этот долбаный глобус был не что иное, как план по уничтожению нашей планеты, как бы парадоксально это ни звучало.

Потому что те единичные точки с прошедшими датами, с присвоенными им военными действиями, или природными катастрофами, совпадали с реальными событиями на планете. Я никогда особо не следила за мировыми СМИ, но

новости о самых глобальных бедствиях всегда были на первой страничке, при входе в систему «Алекс» и невольно попадались на глаза.

{ Я хочу, чтобы ты запомнила одну вещь. Я приоткрою тебе завесу тайны: он – ядерная бомба. Если ты не примешь нашу сторону, все потеряет смысл. Все исчезнет,} – {пророчество Палача навязчиво пульсировало в висках, пока я стояла и жадно глотала ртом воздух. }

Я все равно до конца не понимала, что означают его слова, но вполне могла поверить в то, что Карлайл может оказаться безумцем, который хочет каким-то образом поработить весь мир, сделать из Земли свою лабораторию или личную колонию. Провести глобальный эксперимент, где каждый человек будет закован в капсулу его личного изобретения. Черт, я уже не раз убедилась в том, что в голове у этого человека может быть что угодно. Иногда складывается такое впечатление, что он мнит себя великим программистом, создавшим старенькую игру «The Sims» и стремится к утопии, где он будет главным постановщиком и создателем всех событий, а мы так – простые смертные люди, свято верующие в то, что мы что-то в этой жизни решаем, и идем пить кофе, потому что хотим этого, а не потому, что он нажимает на соответствующую кнопку на своем пульте мироздания. К слову, эту игру запретили почти в то же самое время, когда изобрели систему каст, но в моей «чудо-библиотеке» можно было найти все, что угодно.

Все это звучало бы глупо, если бы я не знала, не прочувствовала на своей коже, насколько Карлайл циничен. Я давно поняла, что люди для него лишь скопление клеток и атомов, которые представляют для него интерес, только когда он смотрит на них через призму микроскопа.

Но, конечно, как и любой девушке, мне присуща наивность и глупость, и я позволила себе думать... что, несмотря на то, что он делал со мной, я – особенная.

{Ты мое исключение, – чувственный шепот из моих воспоминаний вызывает озноб во всем теле.}

Долбаное заклинание, которое еще больше окутало меня сетями Карлайла.

Прекрасно понимая, что времени у меня осталось мало, я попятилась к выходу, как вдруг мой взгляд зацепился за пустую капсулу, и сердце болезненно екнуло в груди, всплыли нечеткие картинки на подкорке подсознания. У меня почему-то не было никаких сомнений в том, что именно эта стеклянная коробочка была моим домом целый месяц, пока я находилась в глубоком сне. Макколэй не имел никакого права поступать со мной так бесчеловечно, и волна поутихнувшей на него злости захлестнула меня с новой силой. До пробуждения Мака оставалось минуты четыре, но я прекрасно понимала, что возможно, это мой последний шанс... узнать хоть что-нибудь. Не знаю, на что я рассчитывала. Наверное, в глубине души я надеялась, что найду волшебную бумажку, на которой написаны ответы на все мои вопросы, и еще несколько в придачу – с подробной инструкцией, что мне делать дальше. Как дойти до финала непроходимого квеста, в который превратилась моя жизнь?

За одну секунду преодолев расстояние до капсулы, я уткнулась в текст на экране, предварительно проведя по нему пальцем, и сделала вывод о том, что страничка, отображенная на голограмме, заблокирована – листать страницы своих записей может только Макколэй. Но я могла прочесть все, что написано на открытой моему взору странице.

{Объект «Enigma»

15 июня, 2078 года

Создание копии энергетического центра «Анахата»}

{...ряд тестов открывает новые грани личности объекта «Enigma», пригодные для дальнейшего использования и создания универсальной копии. Понадобилось не так много времени, чтобы разблокировать необходимую информацию в данном индивидууме, что еще раз подтверждает правильность моего выбора. Психика объекта устроена и настроена впоследствии мною таким образом, что датчик с легкостью принимает электромагнитные волны, излучаемые «Энигмой» в момент выброса сильных эмоций. Чувства глубокой привязанности, и безоговорочной отдачи энергии, сил, концентрации мыслей обращены ко мне, то есть, к Создателю, что соответствует плану. За 47 часов работы я планирую закончить кодировку алгоритмов поведения, свойственных объекту «Enigma».

Мне удалось зайти очень далеко.

И я знаю, что мне всегда будет мало.

Алгоритмы поведения представляют собой бесконечность, но опыт показывает, что возможно лишь создание некой скопированной «базы», на которой будет строиться в дальнейшем эмоциональная составляющая новой особи. Ночь, проведенная с объектом на вершине вулкана, стала неким подытогом проделанной работы над приручением живого существа и еще на один шаг приблизила меня к Цели. Побочные эффекты от подобных воздействий на «Enigma» остаются прежними: безоговорочная отдача энергии, сил, и полная концентрация мыслей на мне, моральное и физическое истощение, депрессия, и завершение жизненного цикла объекта, как правило: мучительное. }

Иначе говоря, смерть.

Сказать, что я была в шоке, и меня трясло, значит, ничего не сказать. Тугой ком обиды и боли поднялся из самого сердца, и застрял поперек горла воткнутым ножом, который не давал дышать, медленно лишая кислорода, доводя до такого состояния, когда весь мир перед глазами превращается в мерцающее водянистыми каплями месиво.

Мне казалось, ни одна живая душа в мире не испытывала подобной боли, которую ощущала в тот момент я. Спросите, почему? Да потому что я сомневаюсь, что на планете есть второй такой больной на всю голову человек, который способен убийственно нежно поглаживать меня по волосам, одновременно заглядывая в глаза так, словно я для него нечто особенное, неповторимое, единственное в своем роде...

И при этом быть настолько мерзким, циничным, хладнокровным. Двинутым ученым, который целует тебя так, словно ты для него гребаный воздух, и при этом время от времени поглядывает на проклятый датчик и мысленно называет тебя «объект».

Я не знаю, что может быть хуже. Несмотря на то, что я всегда знала, что вместо сердца у Карлайла кусок айсберга, я была уверена... что у него есть ко мне чувства, что-то большее, чем пресловутое «сотрудничество»... и что я вижу

сейчас? Что он пишет обо мне, как о предмете. Я, конечно, не надеялась найти в его лаборатории слезливые мемуары посвященные мне, но... не это точно.

Какой-то непонятный текст, смысл которого мне предельно ясен: никакое я не «исключение». А просто полная идиотка... точнее, как там? «Приручённое живое существо», питомец, если не меньше. Я – объект.

Каждый раз, я думаю, что он не сможет унижить меня сильнее, ударить еще больнее... и горько ошибаюсь в своих предположениях.

В тот момент, я была сама себе противна. За то, что смею испытывать к нему нелепое преклонение и восхищение, за то, что позволила мужчине стать центром моей жизни. Мужчине, который никогда не был и не будет моим. Одна разрушающая и горькая мысль цеплялась за другую, умножаясь на чувство страха перед «оружием» и чувство долга перед сестрой и матерью...

Я и правда оказалась в запутанном лабиринте. И казалось, ни одна дорога не приведет меня к выходу...

Думала, что задушю его, как только вновь окажусь в операционной. Разобью к черту капсулу и вцеплюсь в горло Карлайла со всей дури, вонзая ногти в пульсирующие вены на его шее.

Но я... не могла, не хотела. Как только увидела его, мой мир вновь перевернулся с ног на голову. Я понимала, что это неправильно, что на самом деле «свободная я» не чувствует никакой связи, но другая часть меня, видела Карлайла в другом свете: для нее он стал всем.

{Мой...

Конец и начало. Сон и реальность. Холод и жар. Закат и рассвет. Вулкан эмоций и глубокий океан, полный тайн. Высший разум... Бог.}

Это явно не было мыслями свободной личности, которой я всегда так хотела стать. То было поведение безвольной куклы, слепо доверяющей своему Создателю.

– Мак... ты кричал, и я проснулась... – первое, что произнесла, когда он очнулся, и капсула открылась, прекратив издавать космические звуки.

– Проваливай, – Мак сел на стальной поверхности, и вскинул на меня один из своих далеких взглядов, от которого моя душа окончательно покрывалась инеем.

– Что...? – прирученная им часть меня, не собиралась сдаваться, и вопреки упрекам гордости и голосу разума, я нежно коснулась его обнаженных крепких плеч, мечтая подарить ему свою заботу, поддержку... любовь. Крепко обнять, и прошептать ему, что он не один в этом мире, что у него есть я, и что если он просто возьмет и расскажет мне, кто он на самом деле, и что происходит, то... я приму его сторону, какой бы она ни была.

– Еще раз зайдешь – останешься здесь надолго, – в его голосе не было ни зла, ни раздражения. Пустота, вакуум, ни капли чувств и эмоций по отношению ко мне... лучше бы он меня ударил. Лучше бы взял за горло или плечи, хорошенько встряхнул, заглянул бы в глаза, в которых отразились бы все оттенки его чувств ко мне и одно самое важное:

Что я для него человек, личность, в конце концов – желанная женщина. Но глаза Карлайла оставались не более чем мерцающими стекляшками.

И я убежала, не оборачиваясь. Проплакала всю ночь, осознавая, что так больше не может продолжаться. Я не могу позволить кому-то использовать себя. Собирала раздавленную гордость по кусочкам, утешая и лелея ее.

Я не понимала его... по-прежнему не понимала. И я мечтала, что однажды проснусь с человеком, который прижмет меня к себе, потому что я действительно нужна ему, потому что я – его мир, а не девушка – объект, и не девушка, способная открыть хранилище (уже после произошедшего в Швейцарии, Палач мне рассказал, что ячейку могла открыть только я).

Мне хотелось проснуться в другой жизни, и не знать, кто такой Макколэй Карлайл.

{Мне хотелось обратно.

Жить по сценарию.

В мою святую святых – зону комфорта.

Там хорошо. Там все просто и убого. Но зато так уютно. Не правда ли?}

* * *

Опускаюсь под воду в ванной, задержав дыхание... резко выныриваю, окончательно обрывая бесконечный поток терзающих воспоминаний о той ночи на Бали. Закончив водные процедуры в просторном джакузи, выхожу из него и завязываю на груди полотенце. Скорее, по инерции, чем из желания посмотреть на себя в зеркало, протираю салфеткой запотевшее от пара стекло. Нервно кусаю губы, пытаюсь не обращать внимания на едва заметные синяки на теле, полученные во время бурных схваток с Карлайлом.

И один последний, полученный в Хранилище, от удара об стену... поворачиваюсь к зеркалу спиной, и, приспуская полотенце, пытаюсь визуально оценить, сколько еще времени мне ходить с подобным «украшением» на теле. Быстро теряю интерес к крупному желто-коричневому пятну с красными вкраплениями полопавшихся сосудов, потому что всем моим вниманием мгновенно овладевает татуировка ветвей Сакуры... и безобразные шрамы, прикрытые набитыми распутившимися бутонами.

Несмотря на современные методы обезболивания, я чувствовала каждое прикосновение иглы к своим шрамам. Сначала. А потом, ощутила, как Макколэй сжал мою ладонь, и я просто смотрела на костяшки и слегка набухшие вены на его руке, чувствуя ее вес и силу. Поднимала на него взгляд и забывала о боли, пропадая в гипнотизирующем омуте зеленых глаз...

Я не должна о нем думать. И не должна больше проверять новости каждый день, с отчаянием выискивая информацию о нем... рано или поздно, мы, конечно, встретимся, чтобы решить некоторые вопросы насчет моей мамы, но я хочу быть готовой к этому моменту и больше не собираюсь терять голову.

Я не знала причину его приступов и неадекватного поведения в Хранилище, но знала, что он жив и сейчас находится под стражей, как подозреваемый в

покушении на жизнь Стефана Грейсона, отца Джеймса. О подробностях СМИ молчали. В то, что Макколэй психически болен, мне верилось с трудом, но факт остается фактом – очевидно, его нервная система устает контролировать все происходящее двадцать четыре на семь, и у него случаются подобные «срывы», которые напоминают мне агонию наркомана, страдающего от ломки.

{Скажи мне правду, Энигма! Скажи мне. Правду. Я не могу! Не могу... я тебя не вижу. Я ничего не вижу...}

На какое-то время я отключаюсь, а когда вновь прихожу в себя, понимаю, что смотрю на то, как вода, сливаясь в сток, образует мощный водоворот, сопровождающийся характерным звуком. Невольно переношусь на пляж, и вспоминаю слова Мака о воронках энергии в наших телах... мысленно сопоставляю с теми записями, которые увидела на экране в лаборатории. В очередной раз пытаюсь его понять, но ничего не выходит. Оправданий тому, что он делал со мной нет, и не может быть.

Снова одергивая свои мысли о Маке, я бросаю беглый взгляд на Носитель, и замечаю пять новых пропущенных от Джеймса.

Не знаю, хочу ли я ему отвечать...

Выхожу из ванной комнаты, поежившись от прикосновения холодного воздуха к коже, наливаю до краев бокал игристого вина (третий за вечер), и подхожу вплотную к панорамному окну от пола до потолка, глядя на вид, что открывается с пятьдесят пятого этажа одного из небоскребов. Вечером, Нью-Йорк превращается в калейдоскоп огней, подтверждая свое звание «города, что никогда не спит». Прошло две недели с того дня в Цюрихе, и, если честно, для меня каждый час был прожит в поволоке тумана. И это, несмотря на то, что я не работала, никуда не спешила, скорее наоборот – безбожно бездельничала, пытаюсь прийти в себя после долгих недель изоляции, проведенных с одним человеком. Я была подавлена, морально слаба, и не знала, как выйти из этого состояния. Ощущение, что кто-то стоит у меня за спиной и постоянно «высасывает» из меня жизненные силы не покидало, хоть я и не верила в подобную чушь.

У меня было лишь одно предположение – датчик, прикрепленный Маком имеет небезопасное для здоровья излучение, но снять самостоятельно его невозможно. Разве что, содрать вместе с кожей.

Эту квартиру снял для меня Джеймс, и я не стала отказываться от подобного убежища по вполне понятной причине – я нуждалась в защите, и игры Палача не оставляли другого выбора.

Круз рассказал мне о том, что Руфус завещал мне деньги и имущество, а также вольную – бумажку, которая могла бы сделать меня членом Средней касты, но распорядиться всеми благами, оставленными опекуном, я смогу лишь по достижению двадцати однолетнего возраста. Эту информацию еще нужно проверить, но, если честно... мне ничего не нужно сверх меры. Лишь деньги на лечение мамы, крыша над головой и свобода.

Ставлю опустошенный бокал вина на прозрачный столик у окна, замечая огромный букет белых лилий, аромат которых, благоухает на всю студию. Это первые цветы от Джеймса, которые я не выкинула. Устала таскать огромные букеты к мусоропроводу. Я игнорирую его звонки, прекрасно понимая, что у него есть ключи от этой квартиры, и он в любую секунду может выставить меня за дверь. Как ни странно, я уверена в том, что этого не произойдет. И судя по взгляду и заботе, которой он окружил меня после инцидента в Хранилище, выполнить часть задания Палача, будет не сложно.

Сблизиться с ним.

Сделать так, чтобы он сделал меня частью Элиты.

Вопросов много: означает ли это, что я должна добиться брака с наследником? И зачем это Палачу? Но дело не только в том, что я не хочу никакого сближения с Грейсоном, а в том, что я остаюсь каким-то безвольным элементом большой игры за власть, о правилах которой пока не имею понятия.

Загвоздка в том, что гордость не позволяет простить Грейсону то пренебрежение, с каким он смотрел на меня на том роковом шоу.

Ведь так просто простить мужчине его силу – я готова бесконечно прощать Карлайлу его давление, стремление к господству надо мной и замашки

собственника.

Но куда труднее простить мужчине слабость... а то, что Джеймс в какой-то степени слаб и зависим от мнения отца и общества, иначе не назовешь.

Ну и последней элемент игры – моя мама. Макколэй упоминал о сюрпризе, который ждет меня в Нью-Йорке, и только вернувшись сюда, я поняла, что он имел в виду. Специальные практики гипноза и новое изобретение Макколэя, которое позволяет записывать сны и воспроизводить их, доказывают то, что моя мама прекрасно помнит меня... по крайней мере, если ее сон является воспоминанием. В последний раз, когда я была в клинике, врач показал мне запись сна Эвы в виде погружения в виртуальную реальность. Я надела на глаза специальные очки, и увидела то, что снится матери каждый день, после сеансов гипноза:

{– Руфус, дай мне ее. Дай мою девочку, – шепчет устало мама, лежа на кровати, напоминающей больничную. Около нее стоит капельница, какие-то распадающиеся на пиксели приборы (в записи сна четкостью обладают лишь те объекты, на которых было заострено внимание его владельца), все остальное кажется белым и размытым. Кроме Руфуса и младенца, которого он нежно прижимает к своей груди, мягко покачивая.

– Она очень красивая, Эва. Прости, что пришлось забрать ее на несколько дней. Я должен был проверить, все ли в порядке. Да и тебе нужно было прийти в себя после тяжелых родов. Можешь не переживать, шрам на животе станет практически невидимым, – Руфус протягивает матери крохотный сверток, и ее глаза наполняются слезами, когда она берет малышку на руки.

– Необыкновенная девочка. Руфус... с ней все как-то иначе. Не так, как с Элли. Словно это мои первые роды, – немного отстраненно замечает мама, складывая пушистые брови домиком. Только сейчас я поняла, что мамина внешность практически не менялась, пока она не потеряла рассудок. Конечно, дело в хорошей генетике или не слишком активной мимике, но эта совсем юная Эва мало отличалась от той, что я знала, будучи подростком.

– У тебя две дочери, Эва. Не забывай об этом, – я даже вздрагиваю, узнав в стальном тоне опекуна, отражение голоса Макколэя. Холодном, приказном. Убедительным. Так говорят, когда хотят уверить в своей правоте, но совсем не

факт, что она является истиной. – Они обе – особенные.

– Да, я знаю. Я люблю Элли, ты же знаешь. Но эта девочка... просто чудо. Время останавливается, когда я смотрю в эти голубые глазки. Я назову ее...

– Как насчет «Энигма»? Загадка. Ее рождение – тайна, не так ли, Эва?
Настоящее чудо.

Мама поднимает растерянный взгляд на Руфуса, медленно моргая.

– Да... ты прав, – и она снова нежно улыбается, поправляя края свертка возле скрытого от моих глаз лица младенца. – Энигма будет ее вторым именем, Руфус. Я хочу называть ее Кэндис.

Опекун одобрительно улыбается маме. Их отношения кажутся мне очень странными... отчасти, они напоминают мои отношения с Маком. И Руфус выступает в некой роли покровителя и дрессировщика для моей мамы, это невозможно не почувствовать, особенно сейчас, когда Макколэй научил меня подмечать детали.

{– Молодец, Эва. Именно такого ответа я и ждал. Хотел, чтобы ты тоже дала ей имя. Сама. Мне нравится, когда ты настаиваешь на своем.

– Я боюсь, Руфус... – вдруг шепчет мама, и Руфус склоняет голову на бок, прищурив веки. – Он вернется за мной, да? Роджер.

– Да, Эва. Боюсь, что да.}

После просмотра маминого сна, ответов не прибавилось. Только добавились новые вопросы. Но если эта запись и сон является воспоминанием, а не всего лишь сном, то это уже огромный скачок в исцелении мамы. И именно этот отрывок из прошлого проливает свет на тайны моего прошлого.

Руфус знал мою маму до того, как спас нас, когда мне было десять. Он знал и Элисон. Черт возьми, да он был первым кто взял меня на руки! Получается, сказка про отца и долг перед ним – всего лишь выдумка? Но как все это возможно, и что такого особенного в моем рождении?!

Может быть, имеется в виду, что мое рождение, как и любого другого человека – чудо? Или здесь таится более глобальная тайна?

Вздрагиваю от звонка в дверь. В последнее время, я, как и Макколэй, испытываю дикое раздражение, когда посторонние звуки нагло вырывают меня из потока мыслей. С опаской оглядываюсь по сторонам, но понимаю, что бежать некуда. Я не успею даже переодеться, поэтому так и стою в полотенце, потуже завязывая его на груди, и прислушиваюсь к тому, как срабатывает электронный замок, открывается дверь в мою студию. По звуку шагов окончательно понимаю, что это Джеймс – я научилась узнавать его вальяжную походку, свойственную лицам привилегированной крови. Сердце в груди заходится по мере того, как он приближается ко мне. Я чувствую прямой и слегка жадный взгляд мужчины прямо на бутонах Сакуры, открытых его взору.

– Красивая, – тихо произносит он, имея в виду то ли меня, то ли татуировку. Может быть, все вместе. Я чувствую его дыхание, согревающее кожу затылка, и молю Бога о том, чтобы он не смел прикасаться к моей спине.

К моему счастью, Джеймс опускает ладони на мои плечи и слегка сжимает их.

Я молчу, чувствуя себя деревом, бревном. Девушкой, неспособной ответить на ласку мужчины, не способной принять его запоздалую заботу, раскаянье, чувственность, желание...

– Что мне сделать, чтобы ты меня простила? Я скучал по тебе каждую секунду, после того... случая. Чувствовал себя дерьмово, – {а я охрененно себя чувствовала, дорогой. }– Я хотел вернуть тебя. Ждал, когда это станет возможным. Поверь мне, Кэн.

– Смешно, – равнодушно отзываюсь я, глядя на вспыхивающие и мерцающие огни в центре города. – Смешно это слышать. Твоя невеста в курсе, где ты проводишь вечер?

– Кровь для моей семьи превыше всего, Кэндис. И это нормально. Вспомни историю, Королевские семьи. Изредка, наследникам позволяли связывать судьбу с... эм, простыми девушками, но, как правило, не в тех случаях, когда они являются первыми в очереди. Представь мой отец своим приемником не меня, я бы вообще об этом не думал, Кэн. Но у правящей касты тоже есть свод правил,

которых мы обязаны придерживаться, понимаешь? Поэтому мой союз с Бьянкой, это всего лишь шаг, который приближает меня к часу, когда я займу место отца, и, наконец, смогу что-то изменить.

– Господи, ты что «Игры Престолов» посмотрелся? – вспыхиваю я, вспоминая старый сериал, который смотрела в подростковом возрасте. Узнала я о нем благодаря одноименной книге, десятками лет пылившейся в любимой библиотеке.

– Ты же знаешь, я не смотрю фильмы, – парирует Джеймс.

– Твоя пламенная речь меня несколько не тронула, Джек. Не стоило так распыхиваться. Вся твою тираду можно уместить в одно предложение: «Я предлагаю тебе стать моей любовницей, но официально я буду принадлежать девице, которая рождена с шикарным набором ДНК, в отличие от тебя», – бросаю сквозь зубы я, нервно теребя ворсинки полотенца, завязанного в узел.

На поверхности стекла улавливаю черты Джеймса, и вижу, как наши взгляды встречаются в слабом отражении.

– Нет, не любовницей. Моей любимой женщиной, – губы Джека касаются затылка, и я прикрываю веки, пытаюсь привыкнуть к... другим, чужим прикосновениям. Я должна это сделать. Обязана.

– Иди и скажи об этом своей потенциальной невесте, – отрезаю я, делая шаг вперед, отстраняясь от мужчины, скорее произвольно и инстинктивно, а не для того, чтобы умышленно «набить себе цену».

– Я стану Премьер-Министром, Кэндис. Рано или поздно. И именно благодаря тебе, я намерен полностью сменить политику в нашей стране, – сердце пропускает удар от подобного заявления. Что?!

– И ты пойдешь на это? На конфликт с отцом? И что значит изменишь? Это возможно? Ты не Царь, не Король, у нас не монархия. Кроме тебя, страной управляют пять членов парламента.

– Но мое слово будет иметь наибольший вес. И я уже пошел против отца и семьи, когда прилюдно дрался из-за тебя с Карлайлом. Стефан не идиот, и он прекрасно все понял. И в данный момент он имеет на меня влияние, не отрицаю. Но ты... Кэндис, ты что-то изменила во мне. Вдохновила. Заставила задуматься, проснуться... знаешь, та встреча в самолете была каким-то озарением, самой волшебной неслучайностью в моей жизни. Я никогда не летал в общественном транспорте, был погружен в свои мысли, а потом услышал твой голос... черт, ты думаешь, это могло быть совпадением? – прикусываю нижнюю губу, попадая в плен его рук. Джеймс крепко обнимает меня со спины, прижимаясь губами к волосам. Глубоко вдыхает, сжимая талию, слегка стискивая полотенце под грудью. Не знаю, что я чувствую. Я хочу привыкнуть к нему, принять его, как минимум, физически, хочу, чтобы мое тело «настроилось» на другого мужчину. Поэтому я позволяю себе тонуть в его объятиях и слушать, бесконечно слушать его планы и обещания.

– Ты не сможешь изменить интересы людей, Джеймс. Не забывай о том, почему есть Бесправные и Низшие касты. Мы устроены иначе! И не нужны обществу, потому что люди не нуждаются в наших «услугах», которые когда-то считались талантами. И мое выступление было тому подтверждением. Знаешь... я не самовлюбленная дрянь, но я станцевала хорошо, обнажила душу! И да, я объективно себя оцениваю. И прекрасно знаю, что если бы большинство людей смотрели дальше своего Носителя, Экрана, или очков виртуальной реальности, мой танец бы не облили грязью и не назвали бы дешевым порно! Понимаешь? Это уже культура... другая. И люди не интересуются чем-либо, кроме новых гаджетов, игр, машин и телефонов, и мы... не можем творить, потому что боимся! Боимся быть высмеянными, оплеванными, ненужными. Смена власти ничего не изменит, Джек. Как ты не понимаешь? Проблема нас в самих... ответ внутри тебя... меня, любого... – отчаянно взмахнув руками, я всхлипываю, сама не понимая, откуда взялись все эти слова. Я говорила сердцем, и сейчас ощущала в нем легкую боль и тоску, желая хоть как-то унять это неприятное и ноющее ощущение. В момент, когда я попыталась вырваться, Грейсон прижимает к себе еще крепче. И его руки уже не сжимают, а поглаживают мою талию.

– Мне понравился твой танец, детка. Ты была невероятно чувственна, красива. Глубокая, загадочная, необыкновенная, – шепчет на ухо Джеймс, мягко прикусывая мочку.

– Не смей говорить все это. Твой взгляд на том проклятом извращенном «шибари шоу» отвешивал мне комплименты другого рода, – снова пытаюсь вырваться, но Грейсон, кажется, не намерен отпускать меня.

– Ты что-то делаешь с людьми, Кэндис. Все эти элитарные снобы сказали то, что от них хотели услышать. Они так не думают, поверь. Я говорил с одним критиком, и он признался мне в том, что его комментарий был заказным. На самом деле, ты произвела на него впечатление. «Тронула за душу». Так и сказал. Знаешь, в чем с тобой дело, Кэн? Ты как зеркало. В тебя смотришь, и видишь свое истинное отражение. Каждый. Долбаный. Недостаток. Изъяны маски, которую видят все остальные. И хочется снять ее, стать лучше... с тобой я совсем другой.

Нервно качаю головой, отрицая каждое слово Джеймса. Нет... нет. Он несет какой-то бред, да только зачем ему это? Неужели Бьянка настолько плоха, что он готов напелсти мне что угодно, лишь бы стянуть с меня это полотенце, которое вот-вот слетит на пол?

– И знаешь что? Я все сделаю, чтобы ты хоть раз на меня посмотрела так, как на {него,} – сдавленным голосом произносит Джеймс. – И я хочу, чтобы ты знала, что ты единственная женщина, которая когда-либо была нужна мне. По-настоящему. Прости меня за то, что был... слабым. Мне чертовски тяжело говорить об этом. Но это так. Я поступил как трус, и...

Черт. Его слова звучат так искренне и проникновенно, что у меня холодеет область лопаток и затылка от подобных сакральных заявлений от Грейсона. Я где-то читала, что только перед девушкой, которую мужчина искренне любит, он может предстать уязвимым.

И я не знаю даже, в чем она, сила и мужественность, которая заставляет наши женские сердца таять?

Сила проявляется не только во властном голосе, и подавляющих взглядах. И все девушки, которые сходят с ума по безбожным тиранам, (я имею в виду, реальных деспотов, избивающих и унижающих женщин просто так, будто от скуки) считая их крутыми альфа-самцами, не хотят посмотреть правде в глаза – их мужчина просто слабак, самоутверждающийся за счет слабого существа.

Считаю ли я Макколэя тираном? Нет. Он, конечно, унижал меня, относился ко мне бесчеловечно... может, я его оправдываю, но Мак делал это из каких-то своих больных или гениальных, непонятных простому смертному, соображений, а не для того, чтобы ощутить себя значимым.

- Ты спишь с Бьянкой? - не знаю почему, но именно этот вопрос вырывается у меня, когда я ощущаю, как бедра Джека плотнее прижимаются к моим ягодицам.

- Это всего лишь секс. А ты ревнуешь? - непринужденно отвечает Джеймс, и только сейчас я понимаю, что я так и не видела его лица сегодня в живую, не считая слабых очертаний в отражении стекла.

- Даже не знаю. А что с Маком? Он до сих пор под стражей? - не знаю, может, я и правда ревную, раз решила уколоть его в ответ.

- Кэн, - голос Джеймса опускается на две октавы. - Ты спрашиваешь о нем, после того, что он сделал? Я не знаю, какие отношения связывали вас все это время и не хочу знать. Я хорошо знаю своего «друга» и уверен в том, что он не способен на чувства. Его отношения с противоположным полом - это всегда либо секс, либо расчет, получение своей выгоды. И прекрасно понимаю, что Карлайл обладает различными техниками давления, гипноза, нейролингвистического программирования, и может любую девушку погрузить в подвешенное, не ресурсное состояние. Я понимаю, что ты чувствуешь сейчас. Тебе кажется, будто твое тело, твои мысли, не принадлежат тебе, - судорожно выдыхаю, чувствуя, как пальцы Джеймса осторожно касаются моей гортани, плавно скользят вниз, останавливаясь на углублении между ключицами. - Но это не так, Кэнди, - вкрадчивым голосом убеждает Джек, и слегка тянет полотенце вниз, тут же накрывая обнаженные груди руками, круговыми движениями пальцев ласкает соски. Постепенно они твердеют, несмотря на то, что внутренне мое тело изо всех сил сопротивляется его манипуляциям и ласкам. Внизу живота зарождается медленное пламя, заставляющее меня слегка прогнуться в его руках.

{ Забыть. Забыть... позволить себе быть с другим. Я хочу этого. Пожалуйста, тело, послушай меня. }

- Он просто использовал тебя, как и всех, до тебя. Заставил, убедил в том, что ты... - Джеймс тихо усмехается. - Особенная, да? Карлайл уже не оригинален. То

же самое он говорил Эрике, и их встречи продолжались, вплоть до вашего побега из страны.

– Мне плевать, – слишком пылко отвечаю я, ощущение ревности болезненно ранит грудную клетку. Низ живота тяжелеет, бедра охватывает огонь желания... но не потому, что Джеймс трогает меня, уверенно сминая грудь ладонями и поглаживая кожу, а потому что я думаю о Макколэе.

Мысль о том, что он мог быть с другой женщиной, и трахал меня с присущей только ему жадностью рождает во мне целый фейерверк негативных эмоций. Ревность, гнев, ярость... обида, непонимание. Но фейерверк, от которого каждая клеточка тела наполняется жизнью.

Такое чувство, что Джек говорит о Карлайле специально. Кажется, я где-то читала о подобном психологическом приеме.

Как все-таки странно устроено наше тело и психика. Порой, мы и правда ведем себя, как роботы – достаточно лишь знать на какую кнопку нажать, чтобы добиться той или иной реакции. И Грейсон сейчас конкретно давил на кнопку моего возбуждения, и находилась она там – в самом центре моих воспоминаний о самом горячем сексе в моей жизни. С Маком.

– Кэн, – Джек, наконец, избавляет меня от полотенца, и жадно притягивает к своему напряженному телу. Его плоть упирается между ягодиц, и я издаю тихий стон, когда теплая ладонь Джеймса накрывает мою промежность. Его пальцы тут же раздвигают складочки, и я слегка зажимаюсь, сопротивляясь его действиям. – Прости меня, – слегка поворачивает мое лицо в сторону, чтобы найти своим языком мой рот.

Как только наши губы соприкасаются, я испытываю сильный приступ удушья. Горло горит из-за невысказанных слов, эмоций, что давя в себе и собираюсь уничтожить окончательно. Ощущение невидимой петли, сковывающей шею, пережимающей каждую вену, не отпускает... я хочу разорвать ее. Хочу стереть каждое прикосновение Мака, и, наконец, по-настоящему избавиться от сетей, которыми он так прочно окутал.

– Полетаем, детка? – Джеймс прижимает меня к прохладному стеклу, разворачивая спиной к городу. Наши взгляды встречаются – в глубине голубых

глаз вспыхивают жадные искры, но действует он вопреки своему взгляду, мягко и плавно, постепенно «разогревая» мое тело.

Раньше, мне нравилось это в нем. Джеймс был прекрасным, чувственным и неэгоистичным любовником. Единственное, что мне мешало достичь с ним оргазма – внутренняя зажатость, которая присутствовала во мне и сейчас. Нет этой «пелены» на глазах, поволоки тумана в разуме, когда границы дозволенного стираются, стыд испаряется, а блудница, что живет глубоко внутри каждой девушки, вступает в свои законные права и просто отдается мужчине, желая разделить с ним тот самый кайф для двоих...

Я не успеваю сказать что-либо, лишь прижимаю ладони к стеклу, когда Джеймс обняв мою талию, заставляя прогнуться, наклоняется к груди. Обводит языком ореолы сосков и спускается ниже, покрывая живот частыми поцелуями.

– Откройся мне, Кэн, – шепчет он, и я ощущаю плавное скольжение его языка по набухшим складочкам между ног. Предательская влага стекает по моим бедрам, и я чувствую облегчение и даже острую вспышку наслаждения, когда два его пальца легко входят в мое лоно и чертовски приятно давят на чувствительную точку внутри.

В какой-то момент мне кажется, что я задыхаюсь не от отвращения, а от безумного желания, завладевшего телом, но потом понимаю, что я готова... но не для него.

– Джеймс... – хватаю и тяну Джека за волосы, прикусывая язык. Я чуть было не произнесла другое имя. Мне почти удалось расслабиться, и сладкие ощущения были так близко... все они быстро были разбиты волной отвращения, штормом окатившей тело.

– Джеймс! Хватит. Не надо. Я не могу, – я зажимаюсь и закрываюсь, испытывая жуткий стыд. Кашляю, и задыхаюсь, ощущая, как петля на шее вновь жаждет урвать свое.

Наверное, кашляю я действительно сильно, и Джек вынужден подняться с тяжелым вздохом, и обхватить мое лицо ладонями.

– С тобой все в порядке? Ты побледнела, детка... – окидывает разочарованным и в то же время заботливым взглядом.

– Прости. Я не могу. Уйди, пожалуйста, Джеймс. Я... я не готова. Ты можешь забрать эту квартиру, деньги... все. Я пойму. Я ни о чем не просила. Только уйди, пожалуйста, – умоляю, ощущая, насколько сильно меня трясет. Тошнота становится такой сильной и невыносимой, что мне приходится с трудом удерживать внутри содержимое желудка.

Я не понимаю, что это и с чем это связано. Мне просто неприятно даже присутствие Грейсона.

– Я тебя не отпущу, – обещает Джек, целуя меня в лоб. – Но и не буду давить и принуждать тебя, Кэн. Ты взрослая девочка, и вскоре сама поймешь, какой мужчина тебе нужен. Как минимум, здоровый, – произносит он не совсем понятную мне фразу. – Просто знай, что я рядом, – шепчет у моего виска, а потом разворачивается и уходит. Я провожаю его идеальную мужскую фигуру взглядом, прекрасно понимая, что любая девушка мечтает оказаться в постели этого мужчины в безупречном костюме. Любая бы с удовольствием избавила его от тесных брюк и обтягивающей крепкие мышцы, рубашки, а я... я как всегда.

Как всегда не знаю, чего хочу. Но сейчас в приоритете у меня должно быть «надо». Мне надо сблизиться с Джеймсом... черт, как все сложно.

Тяжело дыша, я опускаюсь на пол, прислонившись спиной к стеклу. Запястье с датчиком вдруг вспыхивает от боли, и эта мучительная агония будто перетекает по венам и концентрируется в области между тазобедренных косточек.

Кое-что об этом месте я уже знаю, и понимаю, что моя боль имеет не совсем физиологический характер.

– Алекс, – обращаюсь к Носителю, который тут же отвечает мне голубоватым светом и характерным на команду-обращение звуком. – Скажи мне, какой энергетический центр находится внизу живота, – ощущая себя глупо, прошу я.

– Свадхистана. Функции энергоцентра: отвечает за сексуальные отношения, и эмоции.

– Черт. Ну почему так больно? – я ложусь на пол, уставившись в потолок. Мысленно перебираю кадры событий прошлого и вспоминаю, что со мной делал Макколэй, произнося название того или иного центра.

Я много раз спрашивала, зачем он это делал, на что он всегда отвечал туманное: «Любой человек в первую очередь, энергетически-информационная сущность, Энигма. Я помогаю информации стать более видимой. Понимаешь, о чем я?»

Нет бл...ь, не понимаю!

Глупо верить в то, что Мак каким-то образом «влияет» на эти самые мои центры, через датчик. Это все равно, что верить в магию.

Хотя...

{Наша жизнь давно стала настоящей «магией». Мы пересекаем пол мира за пару часов, лечим болезни, от которых страдали и умирали еще тридцать лет назад... благодаря чудесам пластических хирургии, мы (те, кто могут это себе позволить) практически забыли, что такое «старость»... границы возможного для человечества стерлись, и очень давно. Черт, да я даже в мамин сон могу залезть! Не магия ли это?}

Обхватив руками живот, я корчусь на полу от боли, осознавая лишь одно: вряд ли я когда-либо смогу заняться сексом с другим мужчиной, если, конечно, не закрою глаза, и в красках не представлю, что это Макколэй.

И даже если мне это удастся...

Мозг обмануть легко, но как обмануть сердце?

Глава 2

{Каждая частичка информации в мире скопирована. В бэкап. Кроме человеческого разума... Последнее аналоговое устройство в цифровом мире.

Мир дикого запада}

Макколэй

– То есть вы отрицаете то, что это творение – ваших рук дело? – с маниакальной одержимостью, я вглядываюсь в напряженные черты лица стоящего передо мной агента ФБР Лукаса Форда, и наслаждаюсь давно забытыми ощущениями своего прежнего мировосприятия и степенью осознанности.

Почему мне так важна эта пресловутая осознанность, почему так необходимо «видеть дальше и глубже», чем среднестатистическая личность или же человек с паранормальными способностями?

Ответ прост и лежит на поверхности. Только познавая все законы Вселенной, и этой материальной реальности, можно достичь того уровня восприятия, когда ты становишься властелином своей судьбы и жизни, а не наоборот. Это можно сравнить только с осознанным сном, когда ты вдруг понимаешь, что в твоих сновидениях, реальность подчиняется только твоим правилам, а непостижимые пространство и время становятся для тебя инструментами, используя которые, ты становишься Творцом.

Если говорить совсем просто: жизнь хорошенько тебя поймет, если ты сам не поймешь ее.

И она чуть было это не сделала со мной, не без помощи деградации моего мозга, нуждающегося в проклятых таблетках.

{Что ж, отец, шутка удалась. Спрятать «D-вещество» в старую головоломку и в очередной раз поставить мою жизнь на кон – это в твоем духе.}

Продолжаю анализировать на первый взгляд каменную маску, сковывающую черты лица агента Форда. Я вижу его насквозь, безошибочно определяя тип личности, преобладающие черты характера, темперамент и много других мелочей, позволяющих мне составить его психологический портрет, несмотря на то, что офицеров такого уровня, несомненно обучают скрывать свои эмоции, и делают из них хладнокровных солдат.

Делать роботов из живых людей... это куда бесчеловечнее, чем создать искусственный интеллект, помещенный в человекоподобный панцирь из биоматериалов. Вопрос другой: почему этот агент или любой другой человек позволяет себе быть запрограммированным? Живет ли он жизнью, которой хочет жить, или же служит Правительству потому, что ему внушили безоговорочно отдавать свое время и ресурсы во благо тех, кто стоит у власти?

Думаю, у меня еще будет время поделиться с вами своими открытиями на этот счет, ну а пока я ловлю кайф от того, что снова обрел себя. При желании я могу даже услышать стук сердца Форда, и мне не нужен полиграф { (прим. – техническое средство, используемое при проведении инструментальных психофизиологических исследований для синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи), } чтобы определить лжет он или говорит правду.

А Форду нужен. И именно полиграф нового поколения он подключил к моему Носителю по беспроводной сети, но старался напрасно: мне нет нужды лгать.

– Отрицаю, – несмотря на запрет Фора и его людей, я прикасаюсь к предплечью мужчины робота, лежащего на поверхности стола сделанного из обтекаемого материала. Эта машина отключена, но вопреки своему привычному состоянию бесчувствия, я ощущаю довольно яркие эмоции: восхищение и гнев одновременно. Наощупь кожа робота совершенно не отличается от кожного покрова настоящего человека. Его оболочка – на 100 % также совершенна, как и у последних моделей моих девочек.

Меня трудно ввести в замешательство, но то, что я вижу... поразительно. Я был уверен в том, что я – единственный, кто способен создать нечто подобное. Доказательство того, что и у меня бывают сбои и просчеты, лежит передо мной, черт возьми. Этого робота невозможно отличить от настоящего человека, и даже сейчас, пока мужчина пребывает в отключенном состоянии, а точнее «режиме сна», его грудь равномерно вздымается и опускается. Благодаря рентген экрану, спроецированному в пространстве над его ребрами, я и все присутствующие агенты в комнате, могут в деталях разглядеть тысячи проводов внутри робота, образующих целую нейросеть, способную к обучению и развитию.

Мои девочки, на первый взгляд, более совершенны, но этот экспонат – определенно нечто очень близкое.

Разумное.

Особенное. Уникальное.

И почему мне не пришло в голову создать армию таких солдат? Хотя мои роботы – тоже своего рода идеальные инструменты в борьбе за мировое господство: именно мои девочки, при включении определенного режима, влияли на крупные международные и внутренние сделки, они могли добыть почти любую информацию и своровать данные одного из Элитов, посещающих закрытый клуб, ну и конечно, все они собирали несколько образцов ДНК каждого члена «ENIGMA».

– Он не лжет, – констатирует очевидный факт Форд, обращаясь к остальным, безликим для меня, агентам. Все они одинаково одеты, и побриты почти «под ноль», что еще больше делает их похожими на этого робота, что является образцом идеального солдата.

Расплываюсь в ядовитой ухмылке, наблюдая за тем, как мужчина нервничает, медленно сжимая кулаки. На мгновение, форма Лукаса явно становится ему мала – настолько Форд напрягается, пытаюсь просканировать меня, и слегка горбит спину, что свидетельствует о том, что «мое дело» является важным звеном в его карьере, а данное расследование покушения на Стефана Грейсона – вселенский груз, который он держит на своих плечах.

И вот-вот переломится. Или это я, после принятия дозы, настолько самоуверен в себе, что у меня создается иллюзия того, что ломаю этих деревянных солдатиков Грейсона одним лишь взглядом. Но даже в столь бесстрашном состоянии, я напоминаю себе о том, что никогда не стоит недооценивать противника.

– У нас нет причин больше задерживать вас, мистер Карлайл. По крайней мере, расследование не подтвердило вашу причастность к созданию данного объекта. Пока мы не докажем обратное, разумеется, – сильные перебои в его нарочито уверенном голосе, свидетельствуют о нервозности и одержимом желании уличить меня в долбаном покушении на его обожаемого Премьер-Министра. Форд окидывает меня полным презрения взглядом, пока я продолжаю с интересом изучать робота:

– Разумеется, вам придется уплатить штраф за сокрытие ваших разработок. Данный сценарий возможен лишь при следующих условиях: вы предоставите нам всю информацию о создании человекоподобных роботов, представите технологию в АНИСТ, и окажите государству дальнейшую помощь, в качестве ученого и программиста, способного выяснить, где находится кукловод, что сотворил эту игрушку. В противном случае...

– Не люблю, когда мне ставят условия, – склоняя голову на бок, сухо перебиваю я.

– Мистер Карлайл, вас ждут огромные неприятности. Нам придется уничтожить ваши труды, если они не будут использованы во благо страны, – произносит Форд вполне ожидаемую фразу.

Даже скучно и утомительно.

– И? К чему это приведет именно вас? Я могу создать новых роботов. Или, быть может, хотите убить меня? А что, если я скажу вам, что способен оцифровать собственное сознание, и загрузить его в любую другую оболочку? Например, в тело Стефана Грейсона? – откровенно издеваясь, обсыпаю вопросами я. Да так уверенно, что у Форда опускается челюсть.

– Вы наигрались в виртуальную фантастику? – с сарказмом и возмущением выплевывает Форд.

– Вы действительно думаете, что для человека, который создал нечто подобное этому, – киваю в сторону робота. – Есть что-либо невозможное? – продолжаю давить на психику Форда и других агентов, заставляя их уверовать в то, что для меня нет границ и недостижимых целей. – Как знать. Хотите проверить? Пожалуйста. Я к тому, что ваши угрозы меня не пугают, мистер Форд.

– Вы понимаете, мистер Карлайл, что мы можем закрыть вас здесь за подобные угрозы в сторону Премьер-Министра?

– Но вы до сих пор этого не сделали. Сдается мне, я вам нужен. Мой мозг слишком уникален, и это осознает даже Стефан Грейсон. Готов поспорить, что он не ставил перед вами цели убить меня, раздавить, или лишить моих разработок, – уверенно заявляю я. – Он поставил перед вами иную цель –

завербовать меня. Любой Президент, Премьер-Министр или же король, мечтает иметь в своем подчинении «карманного ученого», который будет изготавливать для него подобных «солдатишек», не так ли? Идеальный вариант. Прекрасное оружие. Бойцы, не ведающие страха, пощады и человечности.

Не выдерживая давления и напряжения, искрящего в воздухе, мой оппонент устало цедит сквозь зубы:

– Так или иначе, ждем от вас исполнения гражданского долга, мистер Карлайл. Не провоцируйте нас на меры, которые нам бы не хотелось совершать, – несмотря на то, что вся страна давно перешла на электронный документооборот, оригиналы самых важных документов, являются бумажными. Демонстративно вручив мне папку, с «инструкциями и обязанностями», Форд снисходительно кивает, как бы позволяя мне покинуть комнату для допроса и базу ФБР, внутри которой я провел последние две недели.

Перед тем, как покинуть помещение, пропитанное энергией страха перед Премьером и немым восхищением перед моим самообладанием, я окидываю робота долгим взглядом, мечтая забрать его в свою лабораторию, вскрыть нутро и покопаться в процессоре. Поломать голову над действительно трудной и интересной задачей – {кто создал это, и кем неизвестный гений является мне – союзником или врагом?}

А потом вспоминаю, что пока у меня нет такой возможности, к тому же, меня ждет одно более важное и незаконченное дело – Сакура.

Первый глоток свежего воздуха, когда я оказываюсь на воле, успокаивает мои обонятельные рецепторы, раздраженные пылью и запахами страхов этих зомбированных солдат. Второй и третий вдох окончательно приводят в чувство и добавляют ясности разуму.

– Рад вас видеть, мистер Карлайл, – меня встречает начальник моей охраны, Марк Деймон, и, пожав ему руку, я сажусь в автомобиль марки Audi, и буквально сразу ныряю в поток своих мыслей.

Я бы хотел сказать, что после того, как я нашел таблетки отца, моя жизнь вернется в прежнее русло: теперь, я смогу повторить их формулу, и обеспечить себе прежнее стабильное состояние.

Но что-то острое и ядовитое, колом застрявшее между ребер, кричит мне о том, что это не так.

Ничто не будет прежним, после того, что я испытал, когда подышал на полу, задыхаясь от одиночества, ярости, гнева и всепоглощающей ревности. Такой сильной и удушливой... мне казалось, прыгнуть в жерло вулкана, сгореть в бурлящей магме заживо, было бы менее болезненно, чем то, что ощутил в каждой клетке тела.

И все из-за неё, из-за девочки, которая, даже не пытаясь переиграть меня, каждый раз ставит меня в эмоциональный тупик, одерживая победу над моим контролем и самообладанием. Непредсказуемая, сильная и слабая, нежная, страстная, ранимая, смелая... Кэндис действительно оказалась «ключом», но явно не от замка хранилища, от сердца. И она не открыла его, а вспорола. Достала все то, что подавлял в себе я, или же чип... неважно. Энигма заставила мне прочувствовать каждый оттенок этой незнакомой мне прежде агонии, и я на какие-то мгновения, часы и даже дни... {позволил себе быть человеком.}

Обычным парнем, который проникся глубокой привязанностью к той, которую хотел приручить и использовать, но расставляя сети для этой маленькой дряни, попал в них сам. Я попробовал на вкус эти эмоции и чувства, которые раньше ощущал лишь как слабые импульсы, которыми могу управлять. Воспринимал, как код и алгоритмы поведения, свойственные матрице любого человека...

И даже, несмотря на то, что сейчас эмоции поутихли, а мое сердце вновь превратилось всего лишь в мышцу, и перестало быть источником фантомных и необъяснимых болей, я уверен... что теперь ни в чем не могу быть уверен, когда дело касается Кэндис.

Все, что мне остается, это воззвать к рационализму, структурированию, самоанализу и разуму. Бесконечно убеждать себя в том, что все оттенки новых эмоций, что ощутил – иллюзия. Или временное явление. Извержение вулкана, который сейчас вновь уснет на десятки лет. Черт возьми, я продолжаю думать о Кэндис всю дорогу, продолжая разговаривать сам с собой, применяю различные дыхательные техники, помогающие мне ощутить привычную и комфортную душевную пустоту... но все они приводят лишь к одному результату – я просто думаю о том, где сейчас находится эта маленькая предательница, что делает, какие сны видит, что ее тревожит... готова ли Кэндис к нашей встрече? Которая,

разумеется, состоится совсем скоро. Ей не убежать от меня, не скрыться. Я на сто процентов уверен в том, что даже сейчас, проводя время в социуме и рядом с таким довольно сильным покровителем, как Джеймс, наша ментальная связь не ослабла, а лишь окрепла. Разум будет уверять ее в обратном, но мое присутствие она ощущает сейчас, каждую секунду, и шарахается от вида собственной тени, принимая ее за меня.

Кэндис что-то надорвала и во мне... взломала систему и тело, переплела струны и провода души по-своему, изменила внутренние программы и установки, сбила. Это ощущение - сродни вирусу, постепенно отравляющему даже самый идеальный компьютер. Я пока не знаю, как победить его, удалить, лишь изучаю и ищу пути решения задачи, в которой я останусь верен своей Цели. Останусь в реальности, где центром моей Вселенной являюсь я и где должен отыграть роль Творца, а не идиота, что потерял контроль и предал свою миссию из-за женщины. Какие бы сильные эмоции не вызывала во мне Кэндис, я прекрасно понимаю, что в мире есть только одна женщина, которую я смогу полюбить по-настоящему, глубоко, искренне и безусловно, и эта женщина не Кэндис. И когда я испытаю это чувство Абсолютной любви, о котором говорил отец... я не просто позволю себе быть человеком, я стану им. Определенно. И рядом со мной будет она, Сара - мое творение и любимая женщина, такая же отличающаяся от других, как и я.

Я очень надеюсь, что ошибаюсь, и все мысли о Кэн - лишь последствие принятия таблеток, чье действие сходится с эффектом от близости с Энигмой, и пытаюсь убедить себя, что мой план остается неизменным. Что ее действия не будут влиять на мои решения, и создание Сакуры.

Делаю глубокий выдох, выбрасывая все лишние мысли из перезагруженного сознания, и с облегчением вспоминаю разговор с агентом, и момент, когда окончательно понял, что вернул себе способность контролировать состояние, эмоции, действия: и свои, и чужие.

Черт возьми, почему меня терзают сомнения, стоит лишь подумать об Энигме и вспомнить ее укоризненный, и одновременно уязвленный взгляд в мою сторону... взгляд, полный трепета и тщательно скрываемого восхищения.

{Она мое исключение?}

Больших усилий мне стоит сдержать утробный рык, рвущийся из груди, как только вспоминаю эпизод в хранилище, и мою сладкую девочку, что таяла только в моих руках... а на прощание, окинула презрительным взглядом, прижимаясь к груди Грейсона. Сжимаю кулак, ощущая легкий жар в набухших венах, и то, как эмоциональный зверь, что поселился внутри, поднимает голову и извергает пламя, обжигая огнем изнанку грудной клетки.

{И все же...}

{Она мое исключение. Точка.}

И {моему исключению} придется чертовски несладко, если я узнаю, что она посмела побывать в лапах другого зверя.

* * *

Как только вернулся в особняк, решил в последний раз хорошенько расслабиться, прежде чем вновь взвалить на себя решение глобальных вопросов, и позволил Гамме и Эпсилон хорошенько размять мое тело и затекшие от малоподвижного образа жизни мышцы при помощи расслабляющего массажа. Команда инженеров привела Эпсилон в строй за время моего отсутствия: Эпси пришлось обнулить до базовой версии, стерев многие из приобретенных навыков, которым обучается искусственный интеллект в процессе выполнения жизненных задач и реализации собственных программ. Иначе говоря, пришлось удалить добрую часть ее воспоминаний, особенно последние месяцы жизни, где я испытывал робота на «прочность», постоянно угрожая ее жизни. Подобное совершал и с другими девочками, но именно Эпси совершила незапланированное самоубийство, можно сказать, пошла против программы... ошибки возможны в любых кодах, важно одно – сделать выводы и избежать их повторения. Сделать модель робота «Эпсилон» более совершенной. Я не сразу создал такой проект, как «Сакура» и без подобных инцидентов, без постоянной работы над ошибками, я бы никогда приблизился к цели. Сотворение Сары происходит медленно и постепенно, шаг за шагом... соответствуя законом эволюции и природы.

Прикрыв веки, я позволяю Эпси и Гамме поглаживать и разминать мое тело в четыре руки. Пережитый в плену стресс, образовал в мышцах чудовищные зажимы и спазмы, от которых не избавишься без помощи пары ласковых

женских рук. Каждый вдох наполняет мои легкие ароматами успокаивающих масел лаванды и мяты, звук небольшого искусственного водопада в SPA зоне позволяет мысленно перенестись в Тайланд или на Бали, и с головой окунуться в медитативное состояние.

– Эпси, поработай руками здесь, – приказываю я, как только нежные ладони Эпсилон касаются моего надплечья, и кончики ее волос щекочут мне спину.

– Конечно, Angius. Я создана для того, чтобы выполнять ваши желания, – соблазнительно шепчет Эпсилон, сдавливая напряженные мышцы, разминая пальцами крохотные сжатия и бугры под кожей. Мне немного больно, но после умелых манипуляций девушки, я ощущаю такое облегчение, что готов еще бесконечно терпеть эту приятную пытку.

– Может быть, вы желаете ласки более глубокого уровня? – тактично спрашивает Гамма, массируя мои ступни. Такие послушные, услужливые. Настроены на то, чтобы ублажать меня, своего Создателя и безропотно удовлетворять мои потребности, предлагая разные варианты и вариации удовольствия. Мое тело мгновенно реагирует на их томные голоса и заботу, я ощущаю, как член болезненно пульсирует и упирается в поверхность постеленного на пол мата. Мои мысли мгновенно улетают на Бали, в один из диких вечеров, когда я нуждался в «дозе» всплеска гормонов, которую могла дать только Кэндис... вид ее обнаженного тела, перекинутого поперек гамака, заставляет меня резко вдохнуть сквозь зубы. Воспоминания изводят, не хотят покидать мысли. Эротическая картинка ее горячей задницы с готовыми и влажными дырочками мелькает перед внутренним взором, заставляя меня испытать предательскую потребность в слиянии с ней. В долбаном проникновении в это соблазнительное и принадлежащее только мне тело, увидеть излучение нашей совместной энергии в момент соития, и на какой-то момент ослепнуть от яркой вспышки света, которую сопровождает бешеная эйфория и полная перезагрузка нервной системы.

И почему я думаю о таких мелочах, как секс с женщиной?

{Вот сука. Ведьма. Какого хрена?}

Это не нормально, так не должно быть. После принятия таблеток я всегда четко контролировал свои мысли, а теперь... заставить себя не думать о Кэн, все

равно, что сказать себе «не думай о белом кролике» и продолжать размышлять о нем. Усилим воли, удаляю навязчивые воспоминания и горячие картинки сексуальной Энигмы, возвращаясь в реальность, к девочкам.

– Не желаю, – холодно отвечаю Гамме, и ее руки, поглаживающие заднюю поверхность бедер, тут же вновь спускаются к ступням.

– Хозяину не нравятся твои прикосновения, Гамма, – ядовито замечает Эпси. В них запрограммирована небольшая ревность и конкуренция.

– Твои – тоже, – фыркает Гамма с толикой превосходства. Кто бы мог подумать, что они ненастоящие? Как и многие женщины, они те еще собственницы и истерички.

– Возможно. Хозяину нравятся прикосновения другой девушки, Гамма. Я помогала ей освоиться и...

Я даже не успеваю подумать. Так резко приподнимаюсь над матом, что даже Гамма слегка отскакивает в сторону, идеально соответствуя заложенной в ней программе самосохранения. А вот Эпси находится слишком близко, чтобы избежать своей участи. Толком не понимая, что именно меня вывело из себя (что вообще не должно происходить), хватаю Эпсилон за скулы, вглядываясь в испуганные глаза девушки. Миловидное личико сотворенной мной куклы искажает гримаса имитирующая боль. Ее дыхание тут же учащается, рефлексy работают идеально в отличие от так называемого «обновления». Как она может помнить Кэндис, если я буквально убил в ней прожитую за последние месяцы жизнь? Удалил, стер, обновил всю систему...

– Что ты сказала, Эпс? Повтори, – требую я, слегка встряхивая девушку. Вибрации, излучаемые ею, остаются слабыми, нечеловеческими, иначе и не может быть. И все же... она помнит то, что не должна помнить, словно она, мать ее, самостоятельная личность.

– Я помогала Кэндис, – всхлипывает Эпси, закусывая нижнюю губу. Жадно изучаю черты лица девушки, наполовину прикрытые спадающими на лицо локонами ярко рыжих волос.

– Ты помнишь ее?

– Angius, я вижу картинки. Короткие вспышки информации. Я делаю что-то не так? – обеспокоенно интересуется Эпси, и я понимаю, что разговаривать с ней бесполезно. Придется покопаться внутри, чтобы понять, какого черта происходит.

– Режим сна, – приказываю я, и Эпси тут же принимает безвольную каменную позу, прижимая ладони к бедрам, расправляя плечи. Она похожа на женщину-военного, и, не моргая, смотрит в одну точку. Наспех проверяю ее Носитель, замечая коды, которые писал не я... она могла написать их сама, так как у некоторых девушек встроена программа импровизации, одна из сложнейших, что я когда-либо писал. И все же, обновление должно было очистить всю память. Раньше подобного «восстания машин» не было. И, честно говоря, мне это очень не нравится. У меня такое чувство, что кто-то вмешался, зашел на мою территорию.

Сначала солдат, совершивший покушение на Премьера, теперь еще и робот с проснувшимися воспоминаниями... а также письмо сетевого хакера параноидального характера, о котором рассказал мне глава охраны Марк Деймон, на пути в особняк. К сожалению, пора браться за дело, а не терять бесценные секунды времени, наслаждаясь прикосновениями... пластиковых кукол.

Хотя, сделаны они не из пластика, но вы понимаете, о чем я.

Сдавливаю подбородок Эпси, злясь в первую очередь на самого себя, предварительно включив ее коротким приказом.

– Уберите здесь все, – накидываю халат, небрежно завязав его на поясе, и спускаюсь в лабораторию, прекрасно осознавая, что откладывать дело больше нельзя. Пора браться за свое собственное расследование, и выяснить, в конце концов, какого черта хранилище оказалось пустым. Роясь в новых материалах, собранных моими людьми, я просматриваю сон Эвы, матери Кэндис.

Хм. То, что я вижу, вновь вводит в ступор. Вопросы нерушимым каскадом падают на голову, сыпятся словно из рога изобилия. Сон Эвы, который, без всяких сомнений, является не просто сном, а воспоминанием, дает мне бесценные ответы, которые мог бы прояснить только покойный отец. Моя мать... возможно, она ушла не только из-за того, что я был «не таким, как все». И тот факт, что

Руфус буквально принимал роды у Эвы, делает прошлое Кэндс еще более запутанным и странным. Теперь ясно, почему он относился к ней, как к дочери.

Теперь мне еще больше хочется прочитать дневники или какие-то засекреченные записи отца, остается только найти их. Теперь, когда я способен ясно мыслить, я почти уверен в том, что ячейка на самом деле не была пустой. Мой отец опустил до банальных «фокусов»: спрятать содержимое хранилища за зеркалом, это все равно, что спрятать кролика в шляпе с двойным дном.

Мне остается лишь любой ценой выяснить, кто такой Роджер и узнать о прошлом Энигмы, как можно больше. Я роюсь в договоре о ее купле-продаже, пробиваю его по всем базам, и не нахожу... ничего. Полная пустота. Контракт пахнет липой, хотя подделать такой документ, настолько скрыть всю информацию о прошлом Кэн – невозможно, по крайней мере, не от меня. Элите такое не под силу точно. Такое чувство, что здесь работает какая-то тайная организация, наделенная нехилыми знаниями, превышающими мои. И судя по созданному не мной роботу-солдату, так и есть...

{Неужели мои самые страшные опасения подтвердятся? Хотя, разве это опасения? Хочу ли я, чтобы мои собственные знания и понимание о создании этого мира оказались истиной?}

{Ведь я всегда знал это. Что ОНИ существуют. Создатели матрицы.}

Кто они, эти люди, а точнее нелюди? И что мне от них ждать? Какого хрена это находится за пределами моих знаний, в конце концов? И насколько мои предположения о том, как устроен этот мир, совпадут с истиной?

Окончательно загрузившись, я, наконец, отправляюсь вглубь лаборатории – навестить Сакуру, которую перевезли из дирижабля в застекленную комнату, в которой она познает реальность, и я проверяю, насколько она адаптирована к настоящей жизни.

Грубо говоря, сейчас ее существование можно сравнить с развитием младенца в материнской утробе. Она не хочет и пока не до конца готова, выйти в «большой мир», более того, для нее это будет подобно смерти и перерождению, когда придет время и все ее энергетические центры будут готовы, и полностью организованы. Я не буду объяснять, как я доказал собственную теорию о

формировании души, того самого электрического заряда, что живет в каждом из нас, но уверен в том, что она создается именно благодаря передаче энергии (то есть волновых излучений) и делает это постепенно... от матери к ребенку, через те самые водовороты в каждом из семи тел, вибрирующих на определенной частоте.

Возможно, я родился с этим знанием, раз Руфус говорил, что даже до операции я занимался выращиванием кристаллов. И мне всегда казалось удивительным то, насколько постепенно, но правильно они формируются, насколько упорядочены в их кристаллической решетке атомы, и «упакованы» в определенном порядке. Идеальный порядок, который ну никак не может быть случайным. В природе вообще не бывает случайных совпадений и стечений обстоятельств, как и в судьбе человека. Закон притяжения работает как часы, он прост и логичен, и все в мире, начиная с мысли, подчиняется ему.

Несмотря на то, что кристаллы образуются под воздействием одних и тех же процессов, ни один из них не является точной копией другого. Отличия есть всегда, но основа – едина. {Это так похоже на создание роботов, или же... людей.} Но, конечно, несмотря на конец двадцать первого века, большинство людей до сих пор свято верят в то, что человек произошел от обезьяны. А во что верите вы? Что выбираете? Быть «спящим» игроком или Вершителем своей реальности? Последнее возможно лишь после пробуждения... если у вас нет привычки винить в своих неудачах и падениях, списывать счастье и везение на «случай», поздравляю – вы на правильном пути. {Вы почти проснулись. }

Как только вхожу в спальню из стекла, и вижу Сакуру, что непринужденно кружит по комнате в легком танце, и что-то беззаботно мурлыкает себе под нос, мысли переключаются исключительно на мое творение. Легкая улыбка и копна светлых волос делают ее похожей на ангела, по ошибке оказавшемся в этом бренном и грешном мире. В каждом плавном движении рук, я узнаю жесты, свойственные другой девушке... Кэндис. Перед внутренним взором мелькает слайд, на котором Кэндис точно также танцевала на пляже, после трех бокалов вина. Нервно сглатываю, ощущая, как сердечная мышца начинает дико колотиться о ребра, стоит вспомнить картинку, что будоражит разум: как подхватил ее, поднял над песком, заставил обвить ногами свои бедра, и рывком насадил на член, уткнувшись губами в ее нежную шею. Я знаю, ей до безумия нравилось это, когда я трахал ее стоя, с легкостью удерживая Энигму на себе. Так, она еще сильнее чувствовала волны исходящей от меня силы, и сдавалась в плен даже без своего коронного «не надо...».

Такая легкая и маленькая, тесная девочка, несмотря на аппетитную и округлую попку... черт, это опять происходит. Наш общий болезненный стон из воспоминаний, полный наслаждения и животной жажды друг друга вновь сбивает меня с волны мысли о мироздании и о том, что действительно важно.

{И в который раз, я задаю себе один и тот же вопрос: почему я думаю об этом, вспоминаю? Какой в этом смысл? Кроме того, что некая образовавшаяся физическая зависимость от Эн делает меня слабее. Это как бельмо на глазу, как трещина на каменном сердце, которую необходимо залатать, устранить немедленно.}

Прежде чем окликнуть Сару, я проверяю сформированность центров и заложенных в них алгоритмов поведения, скопированных с объекта «Энигма». Четыре из семи... больше половины, но это не имеет значения, пока в этой оболочке не образованы и не сконцентрированы все семь, образующие полноценную личность, Разум... дух. Настоящий, способный принимать свои решения, формировать свою реальность. Я не задаю себе вопрос: «что будет, если ничего не получится?», и я не сомневаюсь в успехе. Просто продолжаю выполнять свое предназначение, плыть по заданному течению, но имею возможность сам управлять парусами, благодаря которым двигаюсь вперед.

– Сара, что ты делаешь? – мягко зову я, наблюдая за тем, как девушка застывает на цыпочках, театрально вскинув изящные руки и грациозно вытянув шею. Утонченная, нежная, прекрасная. Мое идеальное творение, которым я одержим больше всего на свете. Сакура – это пятый элемент, разрыв всех жизненных шаблонов, доказательство того, что в нашей реальности нет ничего невозможного. Всегда помните об этом, когда идете к своей цели – будь то достижение обычного человеческого счастья и гармония, или же глобальная, великая цель, которая греет вам душу и кажется неосуществимой.

{«Если ты можешь это вообразить, ты можешь это осуществить...»}{(прим. Уолт Дисней)} – любил повторять эту цитату отец. Эти слова невидимой красной нитью проходят через жизнь каждого человека.

– Тебе не нравится? – робко интересуется Сара, принимая уязвимую позу, обнимая плечи хрупкими ладонями.

– Если скажу «нет», тебя это заденет? – пытливо издеваюсь я, наблюдая на экране, спроецированного на сетчатку глаза, за колебаниями ее реакции и эмоций. Судя по графику, она испытывает боль... настоящую боль. Маленькая девочка с разбитым сердцем. И график этой боли полностью повторяет график эмоций Энигмы, который выдавал ее датчик, когда я обижал и унижал ее.

– Да, – вскидывая подбородок, смело отвечает девушка, опять же напоминая мне свой поведенческий «оригинал». Теперь мне начинает казаться, что они даже внешне похожи, хотя я никогда не замечал этого раньше. В этом, разумеется, нет ничего удивительного – мне всегда был близок определенный типаж внешности у женщин. Эдипов комплекс во всей красе: сознательно или бессознательно мы испытываем влечение к тому, кто похож на нашего родителя противоположного пола. Сакура похожа на мою мать, но и Кэндис... является представительницей этого же типа внешности, начиная точеными чертами лица, заканчивая общими чертами характера.

– Мак... мне постоянно снятся одни и те же сны, так похожие на воспоминания. Иногда мне кажется, что я в них живу, – тихо объясняет Сара, преодолевая расстояние между нами. Ее нежные ладони обхватывают мои скулы, и я неотрывно смотрю в ее живые глаза, переполненные украденными у другой девушки воспоминаниями, и настоящими эмоциями. – В этих снах мы с тобой вместе, Мак. И ты подпускаешь меня к себе куда ближе, чем здесь... и... – Сакура нерешительно покусывает пухлые губки, словно боится продолжить, рассказать все, что испытывает. Но именно это мне и нужно – видеть ее человечность, и восхищаться своим творением. Видели бы вы, как она на меня смотрит. Любой мужчина мечтает о том, чтобы женщина смотрела на него так, и никак иначе. Как на Бога и центр ее Вселенной. И мое эго взлетает до небес, поднимается в космос, а в венах пульсирует небывалая сила, которой, кажется, хватит на то, чтобы сдвинуть горы руками.

Вот что стоит взять на заметку всем женщинам, и поучиться таким взглядам у Кэндис и Сакуры. Многие почему-то забывают, что мы отдаем женщине лишь преумножая то, что мы от нее получаем. А когда получаем только истерики, требования, и глупость, в стиле Эрики, отдаем ту же самую негативную энергию, проявляющую себя в равнодушии, без эмоциональном трахе, и не желании «совершать подвиги» для столь эгоистичного существа. Женщина легко добывает энергию, считайте, прямоком из космоса, и ее задача – быть ее проводником для мужчины. Но это взаимовыгодный обмен, ведь мы способны сделать их пребывание в материальном мире наиболее комфортным.

– Я вижу, как ты берешь меня на пляже, и я таю от твоих прикосновений. У меня сердце замирает, когда ты прикасаешься ко мне, Мак... – в горле пересыхает, когда я осознаю, что это не только чувства Сары, но в первую очередь, воспоминания Кэндис. – Я скучаю по тебе, милый. Каждую секунду, что я без тебя... без тебя, меня будто нет, – две крупные слезинки, стекают по ее щекам и исчезают на губах, и я касаюсь их едва-едва, прекрасно понимая, что сейчас не время и не место для того, чтобы придаться страсти.

Я могу все испортить.

Однако соблазн велик, когда она прижимается ко мне – не соблазнительно и уверено, а нежно, восхищенно и робко, мягко прикасаясь кончиками пальцев к мышцам пресса, плавно ведет их к чувствительной зоне в области поясницы... и я едва сдерживаю себя, чтобы не прижать к себе это нежное создание. Смять бедра, плотно прижать к своим, заставляя прочувствовать силу своего желания, и вбиваться в податливое тело до тех пор, пока не удовлетворю свою потребность в слиянии... но все дело в том, что, несмотря на доводы разума, дикий зверь, управляющий истинными желаниями и инстинктами, кричит о том, что сейчас меня способна удовлетворить другая женщина.

И вот это уже долбаная проблема.

Потому что я провел огромную и жирную черту, между Энигмой и другими... остальными девушками. И даже Сакура какого-то черта оказывается за этой чертой, несмотря на то, что в моей жизни нет никого важнее, кроме себя самого и ее. Моей гордости. И все же, благодаря этому моменту минутной близости с Сарой, я понимаю, что в моем плане вновь ожидается сбой: Эни ждет от меня мести за прошедшее в хранилище, но дождетя не ее, а наказание, которое будет иметь для нее форму нового полета на «американских горках».

Сердце болезненно сжимается, пока я пытаюсь мягко отстранить Сакуру, отвлечь ее другими эмоциями и чувствами, погружая ее в виртуальную реальность, и понимаю, что отец все-таки добился того, чего хотел.

Все, что я сейчас хочу, это {позаботиться} о Кэндис.

Или во мне просто говорит эгоизм и желание поставить еще один эксперимент, и понять, что я буду испытывать рядом с ней теперь, когда получаю все

необходимое от таблеток.

И я делаю большую ставку на равнодушие. Что я одержим мыслями о ней и мой мозг просто слишком хорошо помнит о своей «дозе» эйфории, триггером которой являлась Энигма. Чтобы избавиться от зависимости, всегда нужно какое-то время: так уж работает наш «процессор» в голове. И даже сейчас, просканировав свой мозг на МРТ нового поколения, я вижу, как некоторые его доли «подсвечиваются» от одной лишь мысли об Энигме. Подобные цвета и активности в определенных участках этого органа наблюдаются у наркоманов... в стадии ломки.

Что ж, я исследую и эти чувства и ощущения, раз мне суждено стать их «рабом» на какое-то время. Это опыт, и возможно тот самый опыт, который приведет меня к новым открытиям. Я не собираюсь отрицать очевидные факты, и раз уж дело зашло настолько далеко, не буду убегать от правды, до тех пор, пока таблетки не сделают свое, и я окончательно приду в норму.

Ну а пока...

Внутренний собственник скалит зубы и повторяет одно: я никому не отдам то, что принадлежит мне.

Глава 3

Кэндис

Я просыпаюсь от звука, вдребезги разбивающегося о пол бокала, что падает из моих рук. Лениво и сонно протирая веки, чувствую, как Джеймс крепче обвивает ладонью мою талию и прижимает к себе ближе. Черт, после очередного вечера, проведенного вместе, я уснула на плече Джека.

Грейсон не из тех мужчин, которые легко сдаются и отпускают.

И это, учитывая мое «задание» от Палача, мне на руку. Но не приказ теневого дьявола заставил меня заснуть в объятиях Джеймса, с бокалом вина в руке, за просмотром голографического сериала X(трехмерный сериал не с реальными актерами, а с запрограммированными образами, созданными компьютерной графикой.)Ъ Данный способ развлечения отличается от погружения в виртуальную реальность тем, что ты являешься сторонним наблюдателем истории, а не принимаешь в ней участие. К слову, я никогда не погружалась в симуляцию. И, честно говоря, не понимаю, почему в современном мире это настолько востребовано. Мне кажется, я, со своей обостренной мнительностью и без того постоянно сомневающаяся в окружающей нас реальности, сойду с ума, как только попробую. Слишком хорошо помню старый фильм «Внедрение» с Леонардо ДиКаприо, как вообще можно продолжать жить настоящей жизнью, если попробуешь на вкус эту виртуальную реальность? Как можно после подобного не сойти с ума и не запутаться в том, что явь, а что – выдумка? Ведь в последнее время, на экранах СМИ все чаще проскальзывает информация, что несколько десятков людей, являющихся представителями средних, высших и Элитных каст – обезумели от постоянной игры в виртуалку. Кидались на людей, прыгали с крыш, или просто забывали о родных и близких, спуская все деньги на запредельно дорогое погружение в «осознанный лимб»... конечно, официальные источники, которым доверяют люди, подобную информацию игнорировали. Но я любила перед сном поблуждать по всяким теневым форумам, где анонимные пользователи и делились подобным фактами, сплетнями и историями, а собственное желание сбежать от одиночества разрасталось во мне ночь за ночью, подобно отравляющему сорняку. Каждый раз перед тем, как уснуть, я беззвучно плакала, ощущая, как ментальные оковы сдавливают грудь и легкие, заставляя мысленно кричать от бессилия и ощущения собственной ненужности и никчемности.

Раньше подобного со мной не случалось. Последние годы я была сильной и самодостаточной личностью, но Макколэй разрушил храм моей души, что возводила так долго. Я настолько привыкла быть с ним, подле него, для него... и теперь, когда моя жизнь вновь круто изменилась, и ещё не успела отойти от потрясений, и что-либо осознать, я опустилась до того, что искала тактильного тепла у другого мужчины, который, к тому же, и сам стремился мне его дать. Точнее, пыталась заменить. Убедить сердце, наконец, занять сторону разума.

Цветы, обещания, постоянная забота... все это продолжалось со стороны Грейсона, и я чувствовала его раскаянье за случай на том грязном шоу и хотела ему верить... в то, что я действительно поменяла его взгляды, и теперь он правда хочет изменить мир, как мне кажется, к лучшему. Но у красивых слов

Джеймса была и другая сторона медали: говорил он одно, а делал другое, продолжая официальные отношения с Бьянкой, и бездействуя на уровне политической власти, объясняя все это тем, что время еще не пришло и сейчас слишком много риска вводить в массы свои идеи об отмене кастовой системы.

Подобный закон решил бы многие мои проблемы. Страшно думать о том, что на «бумаге» я, так сказать, до сих пор безоговорочно принадлежу Карлайлам. И в любой момент Мак может явиться по мою душу... и я знала это, чувствовала каждой клеточкой тела.

Он явится и очень скоро.

Наша встреча вновь будет подобна взрыву двух противоположно заряженных реактивов... и это – лишь вопрос времени и моей силы воли. Ведь только от меня на самом деле будет зависеть то, какую роль я хочу занять в новой партии нашей игры – и на этот раз, я намерена быть не кроликом, а удавом. Точнее гадюкой, которая отравит ему жизнь, если этот змей посмеет вонзить ядовитые клыки в мою...

– Доброе утро, конфетка, – хрипловатый голос Джеймса, и ощущение от его губ, уткнувшихся в макушку, окончательно избавляет меня от остатков сонливости. – У меня все мышцы затекли. Хотел уложить тебя на кровать, но не стал будить. Ты так сладко спала, – Грейсон поддевает мой подбородок пальцем, заставляя поднять голову и взглянуть на него. С утра он выглядит мягче, я заметила, что его глаза-хамелеоны, становятся серыми, когда он находится в приподнятом расположении духа. К вечеру на его плечи взваливают груз ответственности и дел государственной важности, поэтому черты его лица становятся более жесткими и суровыми, но до «короля Севера», Карлайла, ему все равно далеко. И это хорошо, правда. Джек мне так или иначе ближе, как минимум, потому что он видит во мне человека, девушку, которую стоит добиваться, заглаживать перед ней свою вину... куда приятнее влюбиться в человека, у которого есть сердце, не так ли? Черт, и кого я пытаюсь убедить?

Невольно вспоминаю то время, когда мы с Джеком были близки, и постоянно проводили бурные ночи вместе, завтракали и дурачились на кухне, забывая про пригоревший омлет...

Конечно, все познается в сравнении, и я не могу не сопоставить близость с Маком и Джеймсом. И с Джеком все всегда было правильно, понимаете? Он меня добивался, он делал так, чтобы я постепенно привыкала к нему, открывала сердце и душу, и доверяла свое тело... я постепенно изучала его, но расслабиться до конца – не получалось. Не удавалось слиться воедино, вопреки тому, что мы давно знаем друг друга, и если бы наша жизнь не была бы полна интриг, и двуличных поступков (разумеется, вынужденных), кастового разделения, мы могли бы быть идеальной парой.

Но мое сердце истинно принимало лишь один вариант, неверный, неправильный. Пульсирующий комочек плоти и крови принадлежал мужчине, который, к сожалению, не медленно и верно завоевывал его, постепенно отдавая себя... мое глупое сердце выбрало того, кто просто пришел и взял его, практически вырвал из груди, пометил своим долбаным датчиком собственного изобретения и засунул обратно в грудную клетку...

{Чувствую себя человекоподобным роботом, созданным Карлайлом. Забавно, конечно. Думаю, такое даже Маку не под силу... что только не придет в голову.}

Тем не менее, в последние дни я сама открывала двери и даже ждала Джеймса в своей студии. Я устала от затворничества и мечтала пройтись по улицам Нью-Йорка, но жутко боялась... боялась не Мака, нет. А реальной встречи с Палачом, который может найти меня в любой момент, и побеспокоить не только сообщением или своей голограммой.

И когда Грейсон приходил ко мне после тяжелого дня, переполненного конференциями, переговорами... его уставший взгляд словно подсвечивали изнутри, как только он видел меня, и это не могло не льстить моему самолюбию. Наши встречи не всегда заканчивались целомудренно... я не спала с Джеком, но пару раз мы были близки к тому, чтобы пересечь черту. Не представляю, что он испытывал, когда я внезапно все прекращала, вырывалась из плена рук Джеймса, отталкивала его, и убегала в ванную, как маленькая неопытная девочка. Я прижималась спиной к двери, и, затаившись, ждала, и даже хотела... чтоб он взломал к черту дверь, снес ее к черту с петель, и я бы встретила его острый, обжигающий, голодный и требовательный, безумный, космический взгляд...

{Но такого не происходило. Джеймс не Макколэй. И глупо искать Мака в другом мужчине...}

Только Карлайл мог смотреть на меня таким взглядом, от которого меня бросало в жар и холод одновременно. От которого немели руки и ноги, останавливалось на краткий миг сердце, чтобы потом вновь взорваться фейерверком обжигающих эмоций на грани, которые позволяют ощутить весь спектр чувств, которые наверняка не сравнить ни с каким наркотиком, ни с каким погружением даже в самую сказочную симуляцию... мы – это такая бешеная концентрация неравноправных сил, столкновение мужской и женской энергии, что несется друг к другу на бешеной скорости.

Вот чего я хочу, и на это я под села.

И мне страшно от того, что мне теперь так трудно согласиться на меньшее. На приземленное, правильное, необходимое. Спокойное. Настоящая любовь – это тепло, гармония, умиротворение. Мак – это зависимость, и от нее нужно избавляться, как от любой другой. А я своими мыслями напоминаю курильщика со стажем, который бросил пару дней назад, и каждую секунду думает о «последней сигаретке». Мне бы еще раз затянуться, еще хоть раз вдохнуть {его яд} в легкие, ощутить, как его энергия, осязаемая шестым чувством сила, проникает в поры, забирается под кожу...

{Одержимые чувства – это путь в пропасть, саморазрушение собственной личности. И нет здесь никаких «но» и «или». Мой вам совет: как только ощутите подобное, похожее на то, что я описала... бегите. Бегите и никогда не оглядывайтесь. Иначе все закончится тем, что в погоне за наркотическим кайфом от этих эмоций, вы потеряете себя...}

Но легко сказать, трудно сделать. Невозможно вычеркнуть из памяти человека, которого я всегда боялась и презирала, сторонилась и обходила стороной. А потом он ворвался в мою жизнь и вывернул наизнанку мою душу, заставив посмотреть на многие вещи под другим углом. Увидеть больше. Научиться ловить момент, фиксировать свое внимание на энергии звуков, земли, океана... Мак научил меня ощущать некие волны, которые он называл вибрациями реальности. Я никогда их не видела, но ощущала их подобно ветру, оставляющему мурашки на коже.

{– На это способен любой человек, Энигма. Различать потоки. Можно развить в себе этот навык, – пульсирует в висках его голос из воспоминаний.

– Но зачем это нужно? Какой же смысл? – я всегда атаковала Макколэя вопросами, когда чувствовала, что он готов идти со мной на контакт. На откровение.

– Сахасрара чакра, есть энергетический центр, который ведет к полной самореализации личности. Находится над макушкой. Он подобен венцу эволюции человеческой души. Абсолютная любовь и связь с космосом. Безусловная любовь, Энигма. Люди изменили значение этого слова, исковеркали. Только развив и открыв этот центр, можно перейти... – Макколэй тогда не договорил, на доли секунд погрузившись в себя, словно решал, можно ли мне выдать свою очередную безумную мысль.

– Господи, ну куда опять перейти?

– Неважно. Ты не поймешь этого сейчас. Ты находишься в состоянии неприятия, невежества и отрицания. Социальные программы мешают тебе, как и многим другим прийти к осознанности, Кэндис. Это нормально. Так и было задумано. Но если ты когда-нибудь ощутишь то, о чем я говорю, ты сразу поймешь, что это за чувство. Этот центр открывается последним, как правило. Впереди еще много работы над собой.

– А что для тебя любовь, Мак? Ты же бесчувственный сухарь, неэмоциональная ледышка. Как ты можешь говорить такие вещи, и при этом оставаться таким холодным и равнодушным почти ко всему, что тебе окружает?

– Это не так. Я един с миром, это и есть мое видение любви. Я кажусь тебе холодным, потому что меня заботят вещи, не интересующие современного среднестатистического человека, и живу на другой волновой частоте. Я не горжусь этим, и не считаю себя лучше других. Просто так вышло, может быть, на это есть причина... может быть, что-то поспособствовало высокому уровню моей осознанности. Что-то извне, – голос Мака начинает садиться по мере того, как он отвечает. Ему почему-то неприятно говорить о некой «причине». Между бровей даже появляется неглубокая складка, говорящая о полной сосредоточенности или неприятных воспоминаниях, что терзают его.

– Что это могло бы быть, и где мне это взять, чтобы понять тебя?

– Ты поймешь, когда придет время. Сейчас... просто будь рядом. Слушай себя, Кэндис, свой голос. Растворись в пространстве, стань крупницей воздуха и света... стань песчинкой в камне, на котором сидишь, – Макколэй произносил этот твердым, уверенным и гипнотизирующим тоном, вводящим меня в медитативное состояние, заставляющим буквально распадаться на атомы. Понятия не имела, как он это делает, но через пару минут, я ощутила странное чувство: по телу прошлась мощная волна тока, и я увидела нас обоих со стороны, словно на короткое мгновение воспарила над нами. Весь разговор мы вели сидя на краю скалы, на самом обрыве, но мне не было в тот момент страшно. Возможно, в какой-то миг я даже отдаленно почувствовала то, о чем Мак говорил... я доверяла этому миру, и мне казалось, что я вижу свет, который излучает любой предмет, будь то цветок, камень или человек. Конечно, чуть позже, я все списала на галлюцинации от насыщенного кислородом воздуха. Страшили мысли о том, что свечение от всего, что нас окружает, напомнило мне излучение от голографического изображения. В голограмме изображение всегда «вибрирует», разделяется на мелкие пиксели, и ты всегда это видишь, если начинаешь всматриваться в картинку... иначе было бы невозможно отличить трехмерную голограмму, от реального человека. }

Как только я начинала слишком сильно загоняться на эти тяжелые темы, в голове летала лишь одна больная мысль: «моя жизнь – симуляция и виртуальная реальность» и я естественно отгоняла ее как можно дальше. Не хватало еще попасть в психушку, к маме.

{К тому же... даже если все так, какое это имеет значение? Ну, нереальна наша жизнь, и что? Не плевать ли? Другой же у меня нет! }

В итоге я успокаивала себя тем, что в детстве, по совету Руфуса, просто пересмотрела «Матрицу». Я уже толком не помню, о чем этот фильм. Помню, лишь, что произвел на меня сильное впечатление, а потом тут же забылся, словно я никогда его и не смотрела. Помню только общую идею, некий посыл от его создателей, который заставил всех людей в начале двадцать первого века, задуматься о виртуальности жизни...

– Кэн, ты в порядке? – как только я «спускаюсь на землю» меня встречает обеспокоенный взгляд Джеймса, и его рука, равномерно поглаживающая мое обнаженное бедро. Грейсон задрал шелковый халат и плавно сжал ягодицу, и я тут же отстранилась от мужчины, испытывая острое желание выставить его за

дверь. Что вчера было? Ох, черт... кажется, я дала ему повод распускать руки.

– Джек, мне нужно побыть одной, – делаю вид, что мне необходимо срочно убрать осколки разбитого бокала и протереть капли вина с паркета, и встаю, демонстративно поправляя халат, прикрывая обнаженные части своего тела, обожженные его пламенным взглядом.

– Кажется, вчера вечером ты не хотела быть одна, – чувственно замечает он. Я оборачиваюсь на Джека, наблюдая за тем, как Грейсон включает Носитель в режиме конфиденциальности и набирает сообщения, нажимая на невидимые мне кнопки в воздухе. До чего все-таки дошел прогресс. А я слепо верю Палачу, который показал мне ужасающую голограмму с Элисон, но разве я могу послушаться его? Разве могу рисковать? Если есть хотя бы один шанс, что моя сестра действительно жива и находится в подвешенном состоянии, я сделаю все... все, что мне скажут, лишь бы спасти ее.

Я ей должна, я ей обязана...

Она моя сестра, моя кровь. Возможно, в конце всей этой истории, мы осядем где-нибудь в глуши, на одной из затерянных ферм Техаса, и будем вспоминать нашу прошлую жизнь, как страшный сон. Да, мы убежим не только от системы каст и цивилизации, но и от благ и возможностей... но мы будем счастливы и свободны.

И все же... хочется знать наверняка.

Надо будет потребовать с Палача весомые доказательства. Хотя, о чем идет речь? Мне смелости не хватит перечить ему и что-либо требовать. Страх перед Палачом заложен во мне с пеленок, на генетическом уровне, потому что он наверняка играл не последнюю роль в судьбе моей матери.

– Джеймс, это было вчера. До того, как «Алекс» сообщил мне очередную новость: Премьер-Министр Канады приезжает в Нью-Йорк. Очевидно, собирается поближе познакомиться с будущим супругом своей дочери? – приподнимаю бровь, изучая то, какой невозмутимой и неестественной маской накрывает черты лица Грейсона. Джеймс встает с дивана, и нарочито сдержанно застегивает темно-синюю рубашку, которую я вчера чуть было не сняла с него...

{Что бы сделал Мак, если увидел это?}

Ответ прост. Ему было бы плевать на меня, как на женщину, как на желанную им девушку. Если бы его и задела эта ситуация, и мой секс с другим мужчиной, то только исключительно из-за того, что его «объект» принадлежит ему, и кто-то хотел воспользоваться его игрушкой.

– Мы давно знакомы, – прочищая горло, отбивает мою словесную атаку Джеймс, и раздвигает губы в елейной улыбке. Той, которой он улыбается со всех СМИ, билбордов и агитирующих семью Грейсонов рекламных кампаний. Она внушает уверенность, надежность, симпатию, от нее веет силой ответственности, твердым характером. По-человечески твердым, а никак у некоторых – выкованным из гранита и льда... хватит! {Хватит о нем думать. }

– Джек, за кого ты меня держишь? Относишься ко мне, словно я дорога тебе, а сам не можешь выбрать... и пойти наперекор рамкам и правилам... знаешь что? Я поверю твоим словам, только тогда, когда ты познакомишь меня со своим отцом. Это не ультиматум, просто... это был бы поступок. А не просто слова, – я окончательно разошлась, перегнула палку с давлением. Но вся правда в том, что он позволяет мне это делать. {И почему он мне рот не заткнет, а? Я же хочу этого, дразнюсь, напрашиваюсь...}

– Пока не могу, Кэн. Да, не могу. Все не так просто, глупая, – не успеваю выдохнуть и отвернуться, как Джек уже преодолев расстояние, между нами, подхватывает меня за талию, садит на столешницу и заглядывает в глаза, устраиваясь между моих разведенных ног. Кусаю губы, осторожно выгибаясь ему на встречу, соприкасаясь лбом, о пряжку его ремня. Халат мой уже давно задран, и наши тела разделяет лишь тонкое кружево трусиков и его брюки. {Чего мне стоит попробовать? Попробовать с другим, понять, что с ним будет также хорошо?} Что и с Джеком будет «полет в космос» теперь, когда я раскрыла в себе свой потенциал женственности, чувственности и сексуальности? Какая разница, в конце концов, какой член подарит мне физиологическое удовольствие? Одним рывком я могу сейчас разорвать эту связь с Карлайлом, что мучает меня, и заставляет вздрагивать от ощущения его дыхания на затылке, когда его нет, и не может быть рядом.

Разница таки есть. И дело не в члене, к сожалению. Дело в эмоциях, в мелочах, в коротких взглядах и прикосновениях, и даже в запахе кожи. С Джеком все иначе. Не значит, что ужасно. Наоборот – хорошо и приятно. {Просто не так.}

Это можно сравнить только с путешествием в другую галактику – словно я когда-то побывала вне времени и пространства, и теперь знаю, что скромный «полет на луну» уже не произведет на меня должного впечатления.

– Я уже все тебе объяснял. Ты... опять где-то не здесь, не со мной, детка, – строго бросает Грейсон, слегка встряхивая меня, одновременно поглаживая плечи сильными руками. – Кэн, если хочешь, я могу нанять хорошего психолога. Ты долгое время пробыла в полной изоляции от мира с другим человеком. Все, что ты чувствуешь – последствия подобного заточения, не более. Это как болезнь, понимаешь?

– Понимаю, – киваю я, признавая то, что Джеймс, безусловно, прав. – Но я думаю не о нем, – вру я. – Я просто боюсь действий, которые Карлайл может предпринять. Он же... мой хозяин, ну ты понимаешь. Я принадлежу его семье. Забыл? Я бесправное ничтожество...

– Не говори так, конфетка, – не совсем уверенно заявляет Джеймс, мягко покрывая мое лицо поцелуями. Я пытаюсь перебороть внутренний протест, несмотря на то, что любое его прикосновение оставляет жалящие «язвы» на моей коже. – Ты под моей защитой. Если он что-либо с тебя снова потребует, решит присвоить... я не позволю. Слышишь? – в душе мгновенно расцветает тепло, которое он мне дарит, и в то же время, я слишком хорошо понимаю, что его слова могут оказаться пустышкой... все просто: мужчины любят давать невыполнимые обещания.

– Джек, я знаю, как может быть на самом деле. У Мака всегда найдется, чем крыть... чем надавить на тебя... – осекаюсь на полуслове, когда осознаю, что сболтнула лишнего. Ни одному мужчине не понравятся подобные слова в его адрес. Виновато кусаю губы, отвечая Джеку слабым поцелуем.

– Ты во мне не уверена? В моих силах? – стальные нотки разбавляют обыденно спокойный тембр его голоса, и кричат мне о его обиде и злости.

– Я просто хорошо знаю, что значит давление в исполнении Макколэя. И знаю, что для тебя есть вещи, важнее меня, которыми рисковать ты не станешь. Джек, не отрицай, не ври сам себе. Это так, – Грейсон мрачнеет, но его хватка на моей талии не ослабевает.

– С ним не все в порядке, Кэндис. Макколэй... у него проблемы, – уклончиво замечает Джек. – Он мне не конкурент. При желании, я могу раздавить его в любую секунду, но не стану этого делать. Он был моим лучшим другом. И однажды спас мне жизнь. Я серьезно. Если бы не Мак, меня бы сейчас здесь не было. Поэтому я действую так, как считаю нужным. Рано или поздно, все встанет на свои места, а против воли он все равно не заставит тебя быть с ним, Кэндис. Ты же у меня свободолюбивое {создание, – я знаю, что он не имеет в виду ничего плохого, но меня неприятно передергивает от подобного обращения.} – Я вот в тебе уверен, – Джеймс говорит правильные вещи, бережно заправляя выбившуюся прядку моих волос за ухо. – Любовь – это выбор свободной и цельной личности, Кэн. А отношения – тяжелая работа обоих. У нас с тобой есть будущее, если мы оба захотим его создать. Почему я объясняю тебе? Человек, который давит на тебя, и относится к тебе, как к собственности, это не твой человек. Ты сама это понимаешь. И очень скоро все изменится, детка. Все будет хорошо. К тому же, ты уже знаешь, что Руфус завещал тебе нехилое состояние. Мои люди уже разбираются с документами и пустым хранилищем...

– Мне ничего не нужно, – отрицательно качая головой, упираясь руками в его ключицы. – Мне ничего. От него. Не нужно.

– Перестань, Кэн. Это не от него, а от Руфуса. Деньги – это твое время, часть твоей свободы...

– Какая может быть свобода, когда законы в нашей стране таковы, что Карлайл может разрезать меня на кусочки, и будет иметь на это полное право, м? Сколько Бесправных девушек были рабынями для своих хозяев? Сколько бесправных мужчин сломалось, выполняя любую волю и прихоть хозяина? Мак может заявиться сюда прямо сейчас, и просто забрать меня в особняк Карлайлов, все! Даже если он убьет меня, его не накажут! Я не припомню, чтобы Элитов, которые доводили своих бесправных до смерти, ждало быть хоть какое-то наказание.

– Милая, тсс, успокойся. Мы найдем документы, Кэн. Не верю, что Руфус не хотел освободить тебя. Он тебя очень любил. Всегда задавался вопросом, почему он относится к своей дальней родственнице, как к дочери...

– А если это не так? Мак никогда не освободит меня! Что будет тогда? Ты сможешь как-то изменить это? – осторожно спрашиваю я, «прощупывая» почву, пытаюсь прочитать в его взгляде, насколько искренни его намерения и способен

ли он рискнуть всем ради меня.

– Смогу, Кэн. Я обещаю. Все может повернуться так, что никакая «вольная» тебе больше не понадобится. В моих руках наша страна, а у ног – весь мир. Неужели ты думаешь, что Карлайл для меня проблема? – Джек мягко проводит языком по моим губам, и пленит рот горячим поцелуем, да только я с трудом заставляю себя открыться, с внутренним сопротивлением впускаю его настойчивый язык внутрь.

В миг, когда пальцы Джека врезаются в мои бедра, и он прижимает меня к своей твердой эрекции, низ живота вновь пронзает острая боль. У меня такое чувство, словно мне загноили под кожу кинжал, и несколько раз прокрутили рукоятку. Я вскрикиваю, ощущая, как жжет из-за непролитых слез веки... но вся боль тут же проходит и забывается, стоит Джеймсу отстраниться и отпустить меня. Причем делает он это, не потому что я всхлипываю от боли и со мной что-то не так, а потому, что ему позвонили на носитель, и он тут же ушел в режим конфиденциальности. Следующие минут пять я просто смотрю на то, как Грейсон открывает рот, разговаривая с неизвестным мне собеседником. Звук я, разумеется, не слышу, но если бы Джек не стоял полубоком ко мне, смогла бы прочесть содержимое разговора по губам. Хотя, какое мне дело до его деловых переговоров? Я итак вижу, что дело срочное, но мне это на руку: он наконец-то уйдет, и мне вновь удастся оттянуть сближение с Джеймсом.

– Пора бежать, детка. Я забыл про встречу с делегацией послов из Европы. Черт. Они просто в гневе, и сочли мой игнор оскорблением. Сейчас это все надолго затянется... и отец в бешенстве. Прости меня, – Джек нервно проводит ладонью по непричесанным после сна волосам, стараясь уложить их руками. Наспех целует меня в щеку перед тем, как направиться к выходу:

– Все будет хорошо, конфетка. Я обещаю, – обнадеживающе улыбаюсь ему в ответ, наблюдая за тем, как его высокая фигура скрывается за дверью. Бедный. Даже душ не принял и не позавтракал. И в таком состоянии нужно бежать и спасать мир, или что он там делает? Или наоборот, уничтожать. Я не в курсе. Знаю лишь только то, что Макколэй скорее занимается последним.

А вот мне хватает времени и на душ, и на счастливые мгновения безделья в ванной в обнимку с воздушной пеной. К моменту, когда я что-то напеваю себе под нос и сушу феном волосы, меня вновь беспокоит незваный гость. Состроив недовольную гримасу своему отражению в зеркале, кидаю быстрый взгляд на

запястье с Носителем и по крошечной камере вижу, что за дверью стоит парень в форме курьера. И в руках он держит букет цветов с бутонами нежно розового цвета...

Мое сердце летит вниз с бешеной скоростью, а включенный фен с грохотом падает в раковину. Пальцы немеют мгновенно, дрожат и не слушаются, но, слава Богу, прибор я отключаю голосовой командой, и сама не замечаю, как оказываюсь возле входной двери, не понимая, почему мне так отчаянно хочется принять эти цветы, и найти послание, которое он наверняка оставил внутри. Черт возьми, это просто жалко. Я всего лишь увидела букет ветвей сакуры, и внутренний триггер сработал незамедлительно. Программа, «включатель» безумных эмоций, коктейль из адреналина потек по венам...

Когда я забираю у курьера цветы и непроизвольно вдыхаю их аромат, вместо того, чтобы выбросить их, предварительно избив этим жутко красивым веником все стены в студии, до меня доходит, что бутоны являются вовсе не цветущей вишней, а пионами.

Боже, это насколько же я бессознательно жду хоть какой-нибудь «весточки» от Макколэя, что принимаю любые розовые цветы за сакуру?

Как бы там ни было, это явно не послание от Мака, и, раскрыв записку, аккуратно вложенную в пергаментный конверт, я с долей разочарования не узнаю подчёрк в приложенном письме:

{«Мисс Кэндис Сторм,

Мне стоило больших усилий найти Ваш адрес. Когда я увидел Вас на сцене театра „Хартфорд Стэйдж“ несколько месяцев назад, Ваше лицо показалось мне знакомым. Кабарэ (кабаре) „BLACK CAT“, верно? Я отметил Ваши навыки еще тогда, но хотел бы похвалить Вас, и сказать, что воистину Ваш талант раскрылся лишь в этом потрясающем, новаторском и необычном танце с веревками. Это было настоящим откровением, и от каждого движения исходила настолько мощная и сильная энергия, что признаюсь, я не мог пошевелиться в своем кресле, словно был связан сам. Заставить зрителя, слушателя, наблюдателя испытать то, что чувствует артист, вовлечь его в свою игру, дать проникнуться своим персонажем... это то, что в современной Америке почти невозможно и давно забыто. Но Вам это удалось. Вы не танцуете, а живете на сцене. Не знаю,

впечатлите ли Вы меня снова, но я хочу пригласить Вас на кастинг своего нового танцевального шоу. Проект рискованный, но я хочу организовать его так, что он заинтересует общественность и обязательно будет иметь успех и популярность. Буду рад видеть и Вас, мисс Сторм.

И поверьте, Вы первая и последняя, кого я приглашаю лично.

Другого шанса не будет.

Продюсер, сценарист и режиссер Максимилиан Ван Дайк.» }

После письма следовали контакты, время и дата кастинга. Я несколько раз пробежалась взглядом по строкам, согревающим душу, и каждый раз не верила своим глазам: не все, кто тогда присутствовали в зале, посчитали мой танец отвратительной пляской с порно уклоном... волны, полные тепла и гордости за себя, накрывают каждую клеточку тела, но тут же разбиваются о скалы внутренних страхов и сомнений, что непреодолимым барьером охраняют душу от опрометчивых поступков и новых потрясений.

Желудок будто сковывает льдом, неприятное чувство в животе становится практически болезненным. Любая на моем месте обрадовалась бы подобному предложению, ну а мне хочется немедля разорвать послание неизвестного Максимилиана и послать его к черту со своим шоу. Зачем мне это? Мне сейчас лучше сидеть в тени и не высовываться, затаиться в своем укрытии... слишком много стрел направлено мне в грудь, чтобы вот так взять, и, подняв руки, выйти в мир, и принять участие в каком-то кастинге, в котором все наверняка решено заранее. И, несмотря на то, что письмо и букет Максимилиана внушает доверие, и заверено биометрической печатью, я уже невольно ищу во всем подвох и признаки заговора.

{Я никуда не пойду. Зачем мне это? }

{Другого шанса не будет.}

Невольно я вспоминаю слово Руфуса, и каждое сквозной пулей проходит через сердце, пока я нервно тереблю дрожащими пальцами записку.

{«Но сейчас, я хочу, чтобы ты развивала свой талант и много трудилась, Кэндис. Возможно... именно он делает тебя особенной. С каждым днем, в мире становится все меньше одаренных людей, способных творить, способных пробуждать в других эмоции и заряжать людей своим внутренним светом. Способных вдохновлять... знаешь, какой самый страшный и смертный грех, моя милая? Хоронить свой талант, подаренный Богом. Бездействовать, отказываясь от его подарка...»}

Лихорадочно обдумываю варианты, и еще с большей паникой понимаю, что кастинг сегодня. Выходить из дома нужно ближайший час, ведь в таком мероприятии наверняка учувствуют сотни человек. Полчаса я трачу на то, чтобы убедить себя в том, что мне нужно сидеть дома и не высовываться, и лишь к концу тридцатой минуты своего отчаянья и бесконечных размышлений, понимаю, что опять съела половину ведерка шоколадного мороженого. Чтобы окончательно выбросить мысли о кастинге из своей головы, включаю экран с интересной книгой, но читая, осознаю, что не понимаю ни строчки, словно детектив написан неизвестными мне иероглифами.

Одним нажатием кнопки я выключаю экран, быстро провожу расческой по волосам, подкрашиваю ресницы и брови, и, надев легинсы с простой майкой, кроссовки и бесформенную толстовку, покидаю апартаменты и несусь на кастинг, закрыв лицо капюшоном. Театр, в котором будет проходить прослушивание, находится недалеко, и поэтому я уверена в том, что еще не все потеряно, и возможно, мне удастся занять место в огромной очереди.

Я не думаю. Я даже не понимаю, как ноги сами ведут меня с такой скоростью до места назначения.

Волнение, в тугой ком сжимающее внутренности, просто не дает мне остановиться: мне хочется скорее выступить на кастинге, понять, что ничем это не закончится, убедиться в том, что меня снова высмеют и осудят, и наконец, успокоиться окончательно и навсегда забыть о своих мечтах, большой сцене и признании хотя бы узкого круга людей, которым будут близки мои мысли и чувства.

Хочется просто «добить» свою мечту, уничтожить, вырвать из сердца с корнем, чтобы больше никогда не возвращалась, не травила мне душу, вот и все.

Еще через пять минут я встаю в очередь на получение порядкового номера своего выступления, и до хруста заламываю пальцы, не в силах угомонить нервозность и сообразить, какого черта вообще происходит. И еще постоянно оборачиваюсь, потому что мне кажется, что меня преследуют люди Макколэя или Палача, ну или Джеймса, который наверняка не оставил меня без охраны.

Но пока на горизонте никого нет, кроме толпы представителей низших каст, которые заявили на кастинг в шоу.

{Если бы я только знала, чем закончится этот день... даже в самой извращенной фантазии я не могла представить подобного. Такой исход событий просто невозможно предугадать или предвидеть, потому что моя жизнь давно вышла за рамки обыденности... и это будет не просто выход из зоны комфорта.

Это будет настоящая катастрофа. Самая пугающая и одновременно эротичная катастрофа в моей жизни.}

* * *

Опускаю взгляд на неоновую цифру «77», что красуется на моей руке биометрической печатью. До моего выступления еще очень много времени, и, честно говоря, я несколько раз порывалась сбежать из театрального зала, где сидели все участники, а также члены жюри, среди которых я сразу нашла Максимилиана ван Дайка. Мужчина представлял собой все черты истинного арийца, а точнее, судя по его фамилии – Голландца. Я лишь несколько раз бросила взгляд в его сторону, отметив короткие волосы мужчины, не просто светлого, а платинового цвета и очень высокий рост. Он даже выше Макколэя, хотя мне, итак, приходилось конкретно задирать голову к небу, чтобы обратиться к Карлайлу.

{И опять я всех с ним сравниваю...} встряхиваю головой, переключая свое внимание на сцену, где происходит настоящая латиноамериканская магия, иначе и не скажешь. Танец, что исполняет девушка, динамично вращая бедрами, переносит меня в самое сердце Ямайки. Ее яркий наряд из коротких шортов и красного топа, помогает ей передать свою внутреннюю свободу и раскрепощенность, не говоря уже об остальных вещах в продуманном до мелочей образе: кожа девушки отликает шоколадным цветом, длинные черные волосы заплетены в вереницу бесконечных маленьких косичек. Визитной

карточкой ее танца является не только пластичные и ритмичные движения под ускоренную электронную регги-музыку, но и широкая улыбка и обаяние, а также индейские мотивы в каждом движении, исполняемые под глухой аккомпанемент тамтамов. Девушка явно отличается от серой массы, что выступали до нее, и даже я засмотрелась на ее зажигательный танец, который почему-то прервали на середине. Судя по тому, как эта зажигательная «Шоколадка» продолжила широко улыбаться и махать рукой всем участникам кастинга, она совершенно не расстроилась. Еще бы, такую трудно не запомнить и не заметить. Жюри будут полными идиотами, если они не возьмут ее дальше.

И я вновь порываюсь уйти, и практически встаю с кресла, как вдруг волну нарастающей панической атаки и жажду бегства прерывает звонкий женский голос:

– Привет, я Латисия, – с опаской смотрю на протянутую мне загорелую руку с крупными мозолями на внутренней стороне ладони. Она низшая или бесправная? Когда я работала в нескольких местах, у меня были такие же неухоженные ладони. И, судя по всему, идеально ровная темная кожа – это не часть образа и не автозагар.

– Кэндис, – невнятно буркаю я, пожалев, что сняла капюшон и привлекла внимание незнакомки. Я не хочу ни с кем общаться... но вопреки желанию закрыться от внешнего мира, я испытываю глубокую симпатию к девушке с заразительной улыбкой и горящими глазами... аж завидно, когда смотрю на нее. От нее исходит внутренний свет, и едва уловимое тепло. Странно, раньше я не замечала в себе, что могу так остро ощущать энергетику окружающих меня людей.

– О Боже, я так перенервничала, – Латисия садится рядом, и начинает слишком быстро болтать без умолку. – Судя по твоему лицу, ты тоже переживаешь. Слышала, что сказал мне продюсер?

– Эм... нет, – пожимаю плечами, поглядывая за очередным невыразительным танцем на сцене.

– Он ничего не сказал. А это значит, что я ему не понравилась! Гулливер блондинистый! – Латисия картинно прячет лицо в ладонях, напрягая хрупкие плечи, и тут же вновь открывается и смотрит на меня. – А я очень хочу попасть в

это шоу, понимаешь! Такая возможность бывает раз в жизни... как нам, низшим, еще заявить о себе, вырваться из грязной работы и получить, наконец, более-менее приличные деньги? У меня пять братьев и сестер... мы беженцы из Гондураса. Моя семья захотела завязать с преступной жизнью, после смерти нескольких родственников, и мы надеялись на то, что здесь в развитой цивилизации у нас будет больше возможностей... что ж, мы никогда так не ошибались! Но в месте, откуда я родом, меня бы уже убили, – продолжает беззаботно рассказывать мне всю свою подноготную Латисия. Ее густые брови сдвигаются к переносице с такой силой, что мне невольно становится жаль ее, и семью Латисии о которой я ничего не знаю. – Я устала жить по накатанной. Захотелось взять все в свои руки, понимаешь? Деньги решили бы так много моих проблем... – тяжело выдыхает она, и ее пухлые губы вновь раздвигаются в добродушной улыбке.

– Все будет хорошо, Латисия, – я не знаю, что еще сказать незнакомому мне человеку, который разговаривает со мной так, словно мы дружим несколько лет.

– Это у тебя все будет хорошо. Тебе-то не о чем переживать, – она заговорщицки подмигивает мне, слегка поведя плечом.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты танцуешь просто потрясающе, – приподнимает бровь девушка, кидая на меня беглый оценивающий взгляд. – Здесь многие тебя узнали.

– Я не понимаю...

– Не притворяйся, подруга, – нарочито возмущенно отвечает Латисия, легким движением ударяя ладонью по моему плечу. Да уж, эта девушка просто гипербобщительная и открытая, в отличие от меня. – Ты та девушка, что танцевала с этими... ну, ты поняла, – Латисия складывает запястья своих рук вместе, словно они у нее связаны. – «Танец марионетки, мечтающей о свободе». Так ведь в прессе писали. Неужели ты не читала статьи о себе?!

– Нет... – кровь приливает к лицу, а в горле мгновенно пересыхает. Я настолько обескуражена словами Латисии, что при всем желании продолжить разговор, не могу пока вымолвить ничего внятного.

– Странная ты. Но нравишься мне, – Латисия нажимает кнопку на Носителе, и включает свой экран. Девушка демонстрирует мне несколько красочных заголовков, из которых уже понятно, что речь в статьях идет о драке Макколэя с Джеймсом, и о реакции общественности и критиков на мой танец. Еще через пару минут, Латисия находит три статьи с восторженными отзывами на мое выступление, и тут я теряюсь окончательно. – Ты совершила настоящую революцию, Кэндис. Благодаря тебе, о танцах вообще заговорили в СМИ! Это же просто невероятно. А Максимилиан ван Дайк, по слухам, решил создать это шоу, только потому, что у людей появился скрытый интерес к провокационным шоу и искусству. Уверена, оно действительно будет танцевальным, но Ван Дайк обязательно добавит туда что-то такое, что привлечет внимание людей из всех каст. Например, тебя, – мой взор все еще устремлен в одну точку – на ту самую статью, где какой-то анонимный критик восхищается каждым моим движением, и пишет о том, как мой танец заставил его прослезиться, и проникнуться историей плененной девушки, которую он разглядел на сцене. Правда, он трактовал мое выступление, как откровение плененной любовью девушки, но я скорее, тогда была скованна ненавистью и яростью, и все же... читать такое о своем творчестве – невероятно приятно.

Но ответить Латисии я уже не успеваю, как и прочитать еще парочку статей.

– Номер семьдесят семь! – произносят по громкой связи, и я немедленно встаю с места, ощущая, как внутренние органы, будто мгновенно тяжелеют от волнения и все внутри меня сопротивляется выходу на сцену.

– Удачи, – шепотом приободряет Латисия, и я, не оглядываясь, поднимаюсь на постамент, напоминая себе о том, что нужно расправить плечи и приподнять подбородок. Показать свою уверенность и чувства – это основа основ в любом искусстве.

Когда я выхожу на сцену, свет так сильно бьет мне в лицо, что я не вижу ни лиц других претендентов на кастинге, ни жюри. Тем лучше для меня, потому что за моей спиной включаются декорации, о которых я договорилась с группой, отвечающей за свет и музыку. Я попросила у них поставить {Enigma – Smell Of Desire} и включить фон, имитирующий пляж с бушующими океанскими волнами. Конечно, я не готовилась к кастингу специально, и знала, что сегодня моя техника будет хромать, но я была твердо намерена «танцевать сердцем», ни на что не надеясь и не рассчитывая.

Просто еще раз выступить на сцене, несмотря на то, что в последний раз, подобный риск обломал мне крылья, ударил о землю...

Просто сделать, просто отважиться, в очередной раз выйти за пределы границ, поставленных страхами, просто попробовать... и испытать этот кайф, ощущая который, проживаешь и ловишь каждое мгновение жизни. Только танцуя, само реализовываясь, и открывая себя зрителю, я чувствую, как та самая искра света, живущая в моем сердце, излучает свет.

{Современное общество считает мой врожденный талант ненужной обузой, бессмысленностью? Плевать.}

Главное, что для меня он бесценен. И кажется, что совсем не важно, сколько еще раз мнение других поставит меня на колени: я всегда найду в себе силы подняться, ради того, чтобы прожить короткие минуты настоящего счастья и гармонии с собой.

Даже если сам танец заставляет меня вспомнить то, что причиняет боль и страдания...

Потому что я двигаюсь точно так же, как в те дни на пляже, когда моим зрителем был только Макколэй.

И как бы больно ни было это осознавать, я с горечью понимаю, что Мак всегда будет для меня вдохновением, а мои противоречивые чувства к нему – той самой силой, которая «включает» мой внутренний свет. Очень опасная зависимость, пугающая. И мне остается лишь верить, что когда-нибудь я найду от нее лекарство.

Этот танец в корне отличается от того, что я исполнила в конце мюзикла «Зарождения». В нем куда меньше отчаянья и страдания, скорее, наоборот – во мне ключом бьет энергия страсти, злости, какой-то едва уловимой внутренней гордости, непреклонной борьбы. Танец полностью передает мое состояние, в котором я прибывала на Бали. И, кажется, продюсеру не по душе мое новое амплуа, потому что он, как и Латисии, не дает мне закончить номер.

Выключается музыка, ослабевают свет, исчезают иллюзорные декорации...
{спектакль окончен, всем спасибо.}

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/meyer_lana/enigma-kniga-2

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)